

Утешение в смерти близкого человека

© Составитель – Дмитрий Семеник

Книга приобретена в магазине цифровых товаров www.nichego.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утешение в смерти близких сердцу

Скорбь мужа на могиле жены

«Душевный лекарь» о смерти

Что такое смерть?

Когда человек умирает?

Почему мы боимся смерти?

Как нужно умирать?

Как вести себя с умирающим?

Как выдержать горе при смерти близкого человека?

Смерть ребенка

Смерть младенца

Смерть мужа

Смерть жены

Смерть кормильца или родителей
Как помочь покойному?
Можно ли молиться за самоубийц?
«В трауре можно утешиться выпивкой»
Какова участь погибших на войне?

УТЕШЕНИЕ В СМЕРТИ БЛИЗКИХ СЕРДЦУ

Епископа Гермогена (Добронравина)

* * * * *

Нет... Что ни говорите сердцу, а ему сродно горевать о потере близких; как ни удерживайте слезы, а они невольно струятся ручьем над могилой, в которой сокрыт родственный, драгоценный нам прах. Правда, — слезами не вернуть того, что взято могилой, — но потому-то и слезы струятся ручьем, что возврата нет из могилы... Я лишился, например, друга, которого жизнью я жил, и мне ли не плакать, когда вспомню, что тут в могиле погребено все мое счастье, тут сокрылись лучшие мои радости, сладостнейшие надежды мои?... Нем тот язык, который так сладко и утешительно делил со мной беседы и в часы радости, и в минуту скорби; замерло то дыхание, которое дышало одною ко мне любовью, и та нежная рука, которая так бережливо хранила меня, с такою охотою и любовью

благовторила мне везде, охладела для меня — навсегда... Как слезам не литься? Могу ли не плакать, когда представлю себе, что это чело, в котором действовал некогда ум с такою силою, послужит пищею червей; это сердце, столь радостно трепетавшее жизнью и любовью, сделается добычею тления?... И бедный человек чего, чего не делает, к чему не прибегает, чтобы только облегчить сердечную скорбь? Но, увы!... все напрасно.

Только в слезах, в одних почти слезах, находит для себя некоторую отраду и только они, и почти они одни, несколько облегчают тяжесть его сердца, потому что с ними только капля по капле вытекает вся жгучесть душевной скорби, весь яд сердечной болезни... Слышит он отовсюду: "не плачь, не будь малодушен". Но эти возгласы — не пластырь на раны, а часто наносят сердцу новые раны. — "Не будь малодушен". Но кто скажет, что Авраам был малодушен, а и он плакал, рыдал по жене своей Сарре, прожившей 127 лет. Малодушен ли был Иосиф? А и он плакал об отце своем Иакове, и плакал не день, не два, а семьдесят дней. Кто скажет, что малодушен был и св. царь Давид? А послушайте, как горько рыдает он при вести о смерти сына своего Авессалома: "Сыне мой, Авессаломе, сыне мой, сыне мой, Авессаломе: кто даст смерть мне вместо тебе? Аз вместо тебе, Авессаломе, сыне мой, сыне мой, сыне мой, Авессаломе." Нет, каждая могила достойного человека всегда орошается слезою горькой любви. И что говорить о людях, когда и Сам Спаситель, до конца потерпевший Свои неопишимо тяжкие страдания на кресте, над прахом друга своего Лазаря возмутился

духом и прослезился? Он плакал, Владыка живота и смерти, плакал в то время, когда пришел ко гробу друга Своего с тою именно целью, чтобы воскресить его из мертвых... А нам, немощным людям, удержать слезы, при разлуке с милым сердцу, нам остановить вздохи в сжатой от скорби груди, — о, это невозможно, это противно нашей природе... Нет, дайте нам каменное сердце, — и слез тогда у нас не будет, — или не мешайте лить слезы!...

Все это — правда. И я не могу, не смею осуждать ваши слезы; я даже готов смешать свои слезы с вашими: я хорошо понимаю, что идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше; я знаю, по собственному опыту знаю, как тяжело, невыразимо тяжело поднять руку, чтобы бросить на прощанье горсть персти в могилу близкого, родного... Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу во гробех лежащую, по образу Божию созданную, нашу красоту, безобразну, бесславу, не имущую вида... Но как ни сродно нам плакать о близких нам усопших, однакож эта скорбь наша должна иметь свою меру. Иное дело — язычники: они плачут, и плачут иногда безутешно; потому что не имеют упования. Но христианин не язычник: ему и стыдно, и грешно плакать об умерших без всякой отрады и утешения.

"Не хочу вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования," — говорит Апостол всем христианам — "Да не скорбите..." Что же может облегчить эту скорбь христианина? Где для него этот источник отрады и утешения?... Рассмотрим причины, которые заставляют нас лить слезы над прахом

близких, и Бог поможет нам найти для себя этот источник. Итак, о чем же мы плачем при разлуке с милым сердцу? Прежде и более всего о том, что он перестал жить с нами на этом свете.

Он перестал жить с нами на этом свете... Но посмотрите беспристрастно на жизнь нашу земную и рассудите, что она такое.

Давно премудрый сказал: "Суета суетствий, всяческая суета. Кое изобилие человеку во всем труде его, им же трудится под солнцем?" Кто же это так невыгодно отозвался о здешней жизни? Уж не узник ли какой, который, сидя в душной темнице, не видит почти ничего, кроме тяжких цепей, раздирающих его тело? Такая жизнь кому приятна? И вот не он ли это оглашает своды темницы таким безотрадным воплем: "Суета сует, всяческая суета?..." Нет, не он. Так, может быть, богач, по непредвиденным обстоятельствам, ниспал в нищету, или бедняк, который при всех трудах и усилиях, чуть не умирает от холода и голода?... Нет, и не такой человек. Так видно, обманутый честолюбец, который всю жизнь свою посвящал на то, чтобы подняться в обществе на несколько ступеней выше, и, после бесполезных трудов и усилий, видит себя еще менее уважаемым, чем прежде, когда он стоял ниже, но действовал благороднее?... О, нет, нет; и не такой человек. Кто же этот несчастный с таким мрачным взглядом на мир?... Это — Соломон, это — царь, и какой царь!... Чего ему не доставало для счастливой жизни? Мудрости ли? Но кто мудрее был того, кому известны были и состав земли, и действия стихий, и течение времени, и расположение звезд, и свойства животных, и

помышления человека... и елика суть скрыта и явна? Богатства ли? Но кто мог быть богаче того, кому целый свет, и земля и море, приносили все лучшие сокровища, у кого было и золото, и серебро, и имения царей и стран?... Славы ли, или величия?... Но какое имя было громче имени царя израильского, обладавшего миллионами подданных? Наслаждения ли благами жизни? Но вот что сам он говорит о себе: "Все еже просиста очи мои, не отъях от них, и не возбраних сердцу моему от всякого веселия моего..." Кому бы, казалось, могла прискучить такая счастливая, привольная жизнь; и, однако ж, человек, которому суждено было обладать всеми благами земными и испытать все разнообразные наслаждения жизни, — человек этот, испытав все, сделал наконец такое заключение о жизни: "Суета суетствий, всяческая суета! Кое изобилие человеку во всем труде его, им же трудится под солнцем?..."

Или вот еще другой царь, св. Давид. Престол его сияет золотом, а он и среди блеска золота взывает: "Изсше сердце мое, яко забых снести хлеб мой... Зане пепел, яко хлеб ядых, и питие мое с плачем растворях". Царская диадима его сияет драгоценными камнями; а из груди его, покрытой блеском славы и величия, исторгается вопль: "Яко вода, излияхся, и рассыпашася вся кости моя: бысть сердце мое яко воск таяй посреде чрева моего: иссше, яко скудель, крепость моя". Дворец его из кедра и кипариса, но для грусти и туда открыты двери, и вот из глубины богатых чертогов слышатся вздохи: "Увы мне, яко пришелствие мое продолжися: утрудихся въздыханием моим, измыю на всяку ношь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу..." Так

вздыхали о тяжести жизни и счастливейшие из людей: что же сказать о тех, которым досталось во всю жизнь свою нести тяжкий крест испытания? Терпелив был Иеремия пророк среди гонений и обид, которые испытывал он отовсюду, как обличитель лжи и нечестия; а были, однако ж, минуты, когда и этот терпеливый страдалец взывал: "Вскую оскорбляющие мя возмогают на мя? Язва моя тверда, откуда исцелюся? Горе мне, мати моя, вскую мя родила еси, мужа прительнаго и судимаго по всей земли?" А Иов, этот дивный пример твердости и великодушия в несчастьи?... Невольно изумляешься, когда слышишь, как он благословляет Бога и в тот самый день, когда все стада его гибнут и все дети его кончают дни свои под развалинами дома... Какое несчастье и какое великодушие! Но для Иова как будто еще мало: вот покрывают его смрадные струпы от ног до головы; а тут является жена, подруга жизни, и учит его отчаянию; здесь являются его друзья как будто для того только, чтоб больше раздражать его... Боже мой, Боже мой! Сколько стрел в одну цель! Сколько бед на одну голову!... И Иов, однакож, все благословляет Бога... Какая необычайная сила духа! Какое изумительное терпение! Но человек — не камень: были минуты, когда и эта адамантовая душа разбивалась от скорби; были минуты, когда и сам Иов, покрытый струпами, сидя на гноище, горько взывал: "Да погибнет день, в оньже родихся, и ночь она, в нюже реша: се мужеск пол. Почто во утробе (матери) не умрох? Из чрева же изшед, и абие не погибох. Аще усну, глаголю: когда день? Егда же востану, паки: когда вечер? Исполнен же бываю болезней от вечера до утра. Но к чему прислушиваться к воплям такой глубокой древности? Вот и мы живем и, взглянув

беспристрастно на дни свои, не скажем ли иной раз с тем же Иовом: "Не искушение ли житие человеку на земли?" Вот рождается человек, — и в то время, как мать не помнит скорби от радости, яко человек родился в мир, первый привет земле этого нового гостя земного — горький вопль бессилия, как будто пророческий укор ей за те огорчения, какие она готовит ему... Вот приближается он к смерти, и что опять? Тяжким стоном изнеможения прощается с землею, как будто укоряя ее за минувшие бедствия... А по началу и концу легко уже судить и о продолжении жизни. И кто этого не испытал? Ибо кто жил и не скорбел, кто жил и не проливал слез?

Один теряет близких и любезных сердцу, у другого страдает честь и слава, у третьего много врагов и завистников, четвертый стонет от болезни, иной вздыхает от расстройства домашних обстоятельств, этот оплакивает бедность свою... И обойдите всю вселенную, но где вы найдете человека, который бы был счастлив вполне, во всех отношениях?... Ищите дни, ищите ночи, а его нигде не найдете. Если бы и нашелся такой человек: что же? Самое опасение, чтобы со временем не изменились счастливые его обстоятельства, уже не есть ли для сердца его червь кровожадный? А страх смерти, которая рано или поздно, а непременно пресечет земное его счастье?... А совесть, а внутренняя борьба со страстями?...

Вот наша жизнь на земле! Здесь нет радости без скорби, нет счастья без бед. И это от того, что земля не ад, где слышны только вопли отчаяния и скрежет зубов, но и не рай, где раздаются только

лики радости и блаженства. Что же такое жизнь наша на земле? Теперь — это место изгнания, где и вся тварь с нами совоздыхает и соболезнует даже до ныне. От того старайтесь, сколько сил есть, окружать себя одними радостями, а рано или поздно услышится голос: "Умножая умножу печали твоя и воздыхания твоя". Усиливайтесь говорить душе своей: яждь, пей и веселися, а придет пора, и испытаются на деле слова Божии: проклята земля в делех твоих: в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Сейте вокруг себя розы счастья, а наступит время, и появятся подле вас тернии колючие. Наслаждайтесь свежестью сил своих, любуйтесь цветущим здоровьем и в лестной надежде прилагайте в мечтах своих дни ко дням, годы к годам, а ударит час, и вы, обманутые сладкими мечтами, со скорбью услышите глас: в сию ночь душу твою истяжут от тебе, земля еси, и в землю отъидиши. Что такое жизнь наша на земле? Это — училище, где мы воспитываемся для неба. А одни ли только радости живут в училище, — об этом знает каждый, кто только учился. Весело иногда бывает вспомнить о жизни школьной по выходе из училища, а всегда ли весело было то время, когда воспитывались? Заботы, труды, огорчения — кто не помнит вас?... И кто, живя в училище, не думал и не мечтал: "Ах, скоро-ль окончатся мои занятия, скоро-ль выйду на свободу?..."

Что такое жизнь наша на земле? Это — поприще для беспрестанной войны со врагами, и с какими врагами!... Один другого лютее и хитрее: то мир нас преследует с хитростью коварного друга, или злобою свирепого врага, то плоть похотствует на дух, то дьявол,

аки лев рыкая, ходит иский кого поглотити. А доколе идет война, дотоле не может быть мира. Что такое жизнь наша на земле? Это — путь в нашу родину, и какой путь!... Есть и широкие, и гладкие пути; но не дай Бог вступить и идти этими путями: они опасны; они ведут в пагубу... Нет, не такой путь проложен для христианина от земли на небо; это — путь узкий, тернистый, такой путь, на котором дебри за дебрями, горы за горами, камни за камнями, терны за тернами... Тут не раз добрый путник вздохнет от сердца, не раз обольется кровью и слезами... Что такое жизнь наша на земле? Это — море, и какое море!... не тихое и светлое, на которое иногда приятно смотреть и любоваться; нет, это море грозное и шумное, море, воздвигаемое напастей бурей, на котором утлой ладье — нашей душе — непрестанно угрожают опасности, то от вихрей страстей, то от стремительных волн клеветы и нападений; и что было бы с нею, если бы у нее не было с собою кормила веры и якоря надежды?...

Итак, вот что значит жизнь наша на земле! Рассудите же теперь беспристрастно, о чем мы так безутешно плачем, при разлуке с близким нашему сердцу? О том, что он перестал жить на этом свете... А это что значит? То, что близкий нам уже окончил все суеты мирские, оставил все беды и огорчения, которые для нас еще остаются; то, что этот странник уже миновал страну пришельствия, этот воспитанник уже окончил лета воспитания, этот воин Христов уже оставил поле брани, этот путник достиг уже родины, этот плаватель уже проплыл бурное море и вошел в тихую пристань... Что же значат после этого слезы наши, когда смерть мужу покой, и на все

наши вопли и рыдания не отвечает ли он нам своим мирным молчанием: не плачьте о Мне, обаче себе плачите и чад ваших? И так над мертвым плачися: исчезе бо свет; но сладчае плачися над мертвым яко почил есть. Почил есть от суеты, трудов, огорчений. Вот мысль, на которой останавливались, хоть не к благоплодному утешению, при разлуке с близкими, многие язычники — люди, не имеющие упования, люди, которые верили и верят, что мертвии не суть ведущии ничтоже, что самослучайно рождени есмы, и по сем будем якоже не бывше... Угасшей (жизни) пепел будет тело, и дух наш разлится, яко мягкий воздух и имя наше забвено будет во время и никтоже воспомянет дел наших. Так верят язычники и, по вере своей, весело празднуют на курганах родных и друзей. Благодарение Господу!... Мы не язычники и тем с большим уважением и усладою можем, взирая на смерть, как на конец всем бедствиям и горестям жизни, повторить то, что сказал Премудрый: "Похвалих аз всех умерших, иже умроша уже, паче живых, иже живи суть доселе", или то, что сказал Апостол Христов: "Блажени мертвии, умирающие о Господе. Ей глаголет Дух, да почиют от трудов своих." Но смерть не только есть конец нашей суетной жизни; она есть вместе и начало новой, несравненно лучшей жизни: смерть есть начало бессмертия, и вот новый для нас источник утешения при разлуке с близкими и родными, источник, из которого и Сам Спаситель почерпнул утешение для Марфы, оплакивавшей смерть брата своего Лазаря, когда сказал: воскреснет брат твой. Не место здесь подробно доказывать истину бессмертия нашей души и воскресения тела: какой христианин не исповедует священного догмата: чаю воскресения

мертвых? Но мы только напоминаем здесь эту животворную и успокоительную истину: для человека, потерявшего кого-либо из близких сердцу, что может быть отраднее, как не убеждение, что человек, которого он оплакивает, не умер, а жив душою, и что будет время, когда он встанет не только с душою, но и с телом?... А эту истину, столь отрадную, каждый легко может видеть и в природе видимой, и в собственной душе, и в Слове Божиим, и в истории.

Вот на небе солнце. Смотрите же: утром оно, как младенец, является на небо, в полдень потом оно сияет с полной силой, а вечером, как умирающий старец, заходит за землю. Но меркнет ли оно в то время, когда земля наша, простившись с ним, покрывается мраком ночным? О, нет; оно светит попрежнему, только по другую сторону земли. Не ясный ли это образ того, что и душа наша — светильник нашего тела, не гаснет, когда тело, разлучившись с нею, скрывается во мраке могилы, а горит как и прежде, только на другой стороне — на небе?

А вот и земля проповедует ту же отрадную истину. Она весною является во всей красоте, летом приносит плоды, осенью теряет силы, а зимой, будто саваном умершего, покрывается снегом. Но уничтожается ли внутренняя жизнь земли, когда поверхность ее мертвеет от холода? О, нет; для нее снова наступит весна, и тогда она снова явится во всей красоте, с новыми свежими силами. Не образ ли это того, что и душа, — эта жизненная сила человека, — не гибнет, когда брэнная оболочка ее мертвеет? Не образ ли это того, что и для умершего наступит некогда прекрасная весна воскресения, когда он не только с душою, но и с телом встанет для новой жизни?

Но что говорить о солнце, что о земле, когда и самые крины сельные, так небрежно нами попираемые, только на время теряют свое бытие, чтобы потом опять явиться в такой красоте, что и сам Соломон не одевался так, как каждый из них? Словом, в природе все умирает, и ничто не погибает: возможно ли же, чтоб только одна душа человеческая, для которой все земное создано, со смертью тела навсегда прекратила свое бытие?... О, нет, нет!

Всеблагий Бог единственно по благодати Своей сотворил человека, украсив его Своим образом и подобием так, что человек только малым чим умален от Ангел: но в чем бы отразилась благодать Его, если бы человек прожил на земле пятьдесят, много сто лет, и то большею частью в борьбе с лишениями, скорбями, испытаниями, и потом со смертью потерял навсегда свое бытие?... Бог премудр: что же? Для того ли только Он украсил нас Богоподобными совершенствами и даровал нам вся, яже к животу и благочестию, чтобы это прекрасное создание после нескольких десятков лет вдруг уничтожить?... Бог правосуден: а на земле Его что такое?... Часто и часто здесь путь нечестивых спеется, праведницы же посекаются яко класы..., добродетель стонет от горя, порок ликует от радости... О, будет, несомненно будет время праведного суда и воздаяния, когда кийждо примет, яже с телом содела, или блага, или зла!... Жив Бог, — жива душа моя! Эту отрадную истину с полной силой раскрывает слово Божие и подтверждает история. Вот пророк Даниил говорит: "Мнози от спящих в земней персти востанут, сии в жизнь вечную, а онии в укоризну и стыдение вечное." Вот Исаия взывает: "Воскреснут мертвии, и востанут, иже во гробех, и возрадуются, иже на земли."

Вот Иов размышляет: "Аще умрет человек, жив будет, скончав дни живота своего; вем, яко присносущен есть, иже имать искупити мя и на земли воскресити кожу мою, терпящую сия." А вот и дивное свидетельство пророка Иезекииля: ему суждено было даже видеть образ сего воскресения. Среди поля, усеянного сухими костями человеческими, он видел, как, по слову Божию, кости эти пришли в движение и стали совокупляться одна к другой, каждая к своему составу, как потом появились на них жилы и выросла плоть, как покрылись они кожей, потом вошел в них дух жизни, и они жили и стали на ногах своих в великом множестве. Вслушайтесь еще в слова доблестной матери Маккавеев, исстрадавшейся страшными мучениями своих сыновей-мучеников, в слова, сказанные ею последнему, самому младшему своему сыну: "Умоляю тебя, дитя мое: будь достоин братьев твоих и прими смерть, чтоб я, по милости Божией, опять приобрела тебя с братьями твоими." И так, эта дивная мать, впоследствии, после мученической кончины семи сыновей своих, сама потерпевшая ту же кончину, только тем и утешалась, что по смерти своей опять будет неразлучно вместе со своими сыновьями-мучениками. Но эта утешительная истина, столь ясно открытая в Ветхом Завете, в полном уже свете является в Завете Новом. Ибо, что может быть яснее слов Апостола: "Якоже о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут; мертвии о Христе воскреснут первее, потом же мы живущии оставшии купно с ними восхищени будем на облацех в сретение Господне на воздухе?" Или что может быть яснее слов Спасителя: "Грядет час, и ныне есть, егда мертвии услышат глас Сына Божия, и услышавше оживут, и изыдут

сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда. Се есть воля пославшаго Мя, да всяк видяй Сына, и веруай в Него, имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день." Но подобных мест так много, и все они так ясны, что и перечислять их нет надобности. И кто же это говорит? Это сын Божий, Которого слова и обетования так верны, что скорее прейдет небо и земля, нежели прейдет одна йота, или одна черта из закона Его. Это всемогущий Чудотворец, Который, во время земной жизни Своей, не только исцелял больных, укрощал бури и ветры, изгонял бесов, но и воскрешал мертвых. Это величайший Пророк, Который, что ни предсказал, все то исполнилось в свое время со всею точностью и полнотой: можно ли после этого даже подумать, чтобы только это одно пророчество Его, — пророчество о нашем воскресении, — не исполнилось? А если все еще не верно судится неверующими, яко Бог мертвые восставляет: то пусть они спросят самих мертвецов, которые встали из гробов своих. Вот перед ними юный сын Сарептской вдовицы, воскрешенный пророком Илиею, вот сын вдовы Соманитянки, воскрешенный пророком Елисеем, вот юный сын вдовы Наинской, вот дочь Иаира, четверодневный Лазарь, уже смердевший, воскрешенные Спасителем, вот Евтих, воскрешенный Ап. Павлом, девица Тавифа, вставшая по слову Ап. Петра: пусть спросят всех их, — и все они единогласно скажут: "Мы были мертвы, и вот, по слову Божию, мы ожили..." А сколько гробов отверзлось, сколько умерших восстало, когда Спаситель, возопив гласом велиим, испусти дух!... Сколько и по вознесении Иисуса Христа на небо и по кончине св. Апостолов было подобных явлений!

Один еретик во дни препод. Макария проповедывал, что воскресения мертвых не будет. Преподобный повел еретика на кладбище и здесь воззвал по имени к одному брату, недавно погребенному, и почивший тотчас же отозвался на зов святого, и, по открытии могилы, нашли его ожившим. В его же время одна вдова безутешно плакала по смерти мужа своего, который умер, не сказав, куда он положил чужие деньги, которые у нее требовали. Преподобный спросил мертвеца, куда он положил чужие деньги, — и мертвец, дав ответ, как живой, опять уснул сном смерти. Вот еще что благочестивое предание рассказывает о св. Донате: одна вдова жаловалась ему на то, что заимодавец, которому муж ее, уже умерший, был должен, и долг уже уплатил при жизни, только не взял от него расписки, не позволяет похоронить мужа, доказывая, будто долг им еще не уплачен. Святитель, коснувшийся мертвеца рукой, сказал: "Послушай", и мертвый, открыв глаза, сказал: "Вот я, владыко". Святитель рассказал ему о заимодавце. Мертвый сел и, грозно взглянув на лжеца, сказал, когда и где он отдал ему долг; потом потребовал от него записку, разодрал ее и сказал: "Хорошо, что ты, праведный муж, разбудил меня на обличение грешника; вели же мне опять уснуть", и по слову святого, опять лег и почил. Подобные сведения можно читать в жизни св. Севира пресвитера, преп. Патермуфия, преп. Марка и Феофила Печерских и проч. Итак, что же без меры плакать о разлуке с близкими и родными, видя, что тело их возвращается в землю, откуда оно взято, и там предается тлению? Пусть оно предается тлению, чтобы тленное сие облеклось в нетление, и мертвенное сие облеклось в бессмертие; пусть оно сеется не в честь, чтобы востало в славе;

сеется в немощи, чтобы востало в силе; сеется тело душевное, чтобы востало телом духовным. Для нас, конечно, не понятно, как оно может воскреснуть, когда оно все превратилось в тление, или даже стало пищею червей. Но спрашивали об этом еще Апостола, и вот что он сказал на это: "Безумне, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет; и еже сееши, не тело будущее сееши, но голо зерно... Бог же даст ему тепло, якоже восхощет, и коемуждо семени свое тепло." А плачет ли земледелец, когда бросает зерно в землю и видит, что оно там предается гниению? Нет. Он заплакал бы тогда, если бы зерно, брошенное им в землю, не согнило, заплакал бы потому, что аще зерно пшенично, пад на земли, не умрет, то едино пребывает. Нет, он радуется, когда брошенное им зерно предается гниению, радуется потому, что знает: аще умрет оно, многе плод сотворит. Зачем без меры плакать и о душе, когда она по разлучении с телом, возвращается к Богу, Иже даде ее? Худо ли ей у Бога? О, если и престолы царей земных окружают радость и блаженство, то чего не достает для счастья и блаженства подле престола Царя небесного?... Какая страна счастливее той, где не алчут, не жаждут, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, а только жизнь бесконечная, жизнь, исполненная светлых радостей, высоких, чистых наслаждений? Что может быть лучше того града, который уготован так прекрасно, как невеста для мужа своего, где нет ни одной слезы, где не знают смерти, где не слышно ни плача, ни вопля, ни болезни, а напротив, везде только радости, и радости столь прочные, что их отнять никто не может, радости столь великие, что их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог

любящим Его. Понятны после этого воззвания св. Давида: "Коль возлюбленна селения твоя, Господи сил. Желает и скончается душа моя во двory Господни. Блажени живущии в дому Твоем. Возжада душа моя к Богу крепкому и живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?" Понятны воззвания Ап. Павла: "Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея?" Желание имый разрешиться и со Христом быти? Понятны слова и мужа апостольского, св. Игнатия Богоносца, осужденного на страдания: "Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, чтобы в нем мне воссиять... Пустите меня к чистому свету: явившись туда, я буду человеком Божиим". Понятны та светлость лица, тот мирный, радостный взор, та сладкая, неземная улыбка, с которыми многие святые расставались со здешним миром. Весело было, например, преподобному Пафнутию Боровскому лежать на смертном одре и в ожидании блаженной кончины петь погребальные песни до той самой минуты, пока смерть не сомкнула уст его. Весело было Афанасию Афонскому сомкнуть глаза навеки с последними словами радости: "Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже!" Весело было преподобному Даниилу Столпнику приветствовать пришедших за ним пророков, Апостолов, мучеников и других святых, и преподобному Нифонту зреть в минуту кончины не только всех небожителей, но и Самую Пречистую Матерь Божию. Весело было и преподобному Макарию Египетскому расстаться с жизнью в присутствии Ангелов и сказать: "Господи! В руке Твои предаю дух мой." Как им было не радоваться? Кончились для них дни в юдоли плача и воздыханий и открывается обитель света и радости; кончилось время, наступает вечность; кончились подвиги и труды,

предлежат венцы и награды; кончилась брань, наступает мир... Но увы, увы!... Только что блеснула светлая радость при взгляде на смерть праведников и при воображении небесных радостей, а бедное сердце опять стесняется скорбью, а горькие слезы опять струятся из глаз... О, если бы за гробом был только рай со своими радостями!... Не о чем было бы плакать тогда, не о чем вздыхать. Но как не вздохнуть, как не выронить слезы при разлуке с близким, когда вспомнишь, что смерть грешника люта, что за гробом есть не только рай, но и ад со своими мучениями, есть место, где все темно, хоть и горит никогда несгораемый огонь для мучения грешников, где много слез, хоть они и не могут не только угасить, но и прохладить огня гееннского, где слышны только вопли отчаяния да скрежет зубов?... Что, если близкий мой там, где смерти ищут как отрады, и не находят! А мудрено ли это, когда в светлые обители Отца небесного не имать внити всяко скверно, и творяй мерзость и лжу, но только написанныя в книгах животных Агнца. А между тем никтоже чист от скверны, аще и един день жития его на земли. Мудрено ли это, когда там, на страшном суде, будут некоторые взывать: "Господи, Господи! Не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом", и, не смотря на то, услышать грозный ответ: "Николиже знах вас: отъидите от Мене делающии беззаконие, потому что не всяк глаголай: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но только творяй волю Отца небеснаго!..." Ах!... Как не вздохнуть от сердца о судьбе родного, удалившегося туда, откуда никто не приходит с вестью, когда вспомнишь слова Апостола: "Аще праведник едва спасется, нечестивый и грешный где

явится?" Да, подобные мысли могут сильно возмутить душу при воспоминании об умерших, близких сердцу. Сами даже Апостолы, когда Господь сказал им: "Удобнее есть велбуду сквозе иглины уши проити, неже богату в царствие Божие внити," сами даже Апостолы в недоумении спрашивали: "Кто убо может спасен быти ?" Но тут и ответ Господа, тут и отрада для сердца: "У человек сие невозможно, у Бога же вся возможна?..." Итак, да не смущают сердце наше и эти горькие мысли! Приведем на память неизреченное милосердие Божие и дух наш успокоится; припомним некоторые черты из жизни усопшего, с которым мы расстаемся, и горесть наша усладится. Поясним состояние, в каком находятся почившие от минуты смерти до минуты страшного суда Божия, и вздохи наши будут легче... Кто измерит бездну милосердия Божия? Мы зли суще, и то умеем даяния блага даяти чадом нашим: ибо есть ли между нами такой, который аще воспросит сын его хлеба, подал бы ему камень? Или аще рыбы просит, подал бы ему змею?... Что же сказать об Отце небесном, Который весь — любви есть? Какая любовь может быть горячее, как не любовь матери к своему детищу? Но любовь к нам Отца небесного еще выше, еще пламеннее материнской любви. Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще и забудет сих жена, но аз не забуду тебе, глаголет Господь. Вот уже с лишком семь тысяч лет мир стоит, и семь тысяч лет ото дня падения Адама до наших дней неумолчно гремит над землею один глас небесной любви: "Не хочу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему." С судом праведным является Бог в раю, по падении Адама: но и в самом суде правды Его не сияет ли во всем

величии небесная любовь? Он с любовью вопрошает Адама и жену его о причине падения, и тогда уже, когда ни тот, ни другая не хотели вполне сознать пред Ним своей вины, тогда уже только определяет им суд и наказание, и притом как?... Это нежный Отец, сквозь слезы, так сказать, учащающий раны любимым детям своим; это Отец, который шуйцею своею бросает на землю проклятие, а десницею указывает уже на благословение. Гневен Бог в Содоме и Гоморре, но и здесь коль краты восхотел Он собрати чада Своя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле, и не восхотели! Небесная любовь соглашается пощадить город сначала для пятидесяти праведников, потом для сорока пяти, потом для тридцати и, наконец, даже для десяти, — и , когда уже и десяти праведников не нашлось в целом городе, только тогда уже Господь одожди на Содом и Гоморр жупел и огонь. Ниневия оскорбила Бога: правда Божия хочет наказать грешный город, а любовь Божия хочет помиловать и посылает к грешникам пророка Иону, возвестить им, что через три дня Господь посетит Ниневию гневом Своим, если не покаются; но когда Ниневитяне покались, тогда и Бог раскаялся о зле, еже глаголаше сотворити им, и не сотвори. Но кто исчислит все милости Божии к человеку-грешнику?... Законы, пророки, знамения и чудеса, явления природы, и грозные и благодетельные, — что такое, как не выражения любви Его к человеку? И нужно ли все это исчислять, когда все знают, что тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имать живот вечный. Не посла Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир. И вся жизнь, все дела и слова Единороднаго Сына Божия суть непререкаемые

доказательства бесконечной любви Его к роду человеческому. Прочитайте со вниманием притчу Его об одной из ста, потерянной овце, или об одной из десяти, потерянной драхме, или притчу о блудном сыне, и вы поймете, как дорог для Него человек, поймете, что точно не только душа, не только тело, но и самый волос на голове его в счету у Него... Возпросите смиренного мытаря, возпросите блудницу, омывшую ноги Спасителя миром и слезами, возпросите всех мытарей и грешников, с которыми Он делил и беседы, и пищу, и питье. Возпросите самарян, на которых Апостолы хотели низвести огонь с неба. И все они в один голос должны сказать: "Он благий, пришел призвати не праведных, но грешныя в покаяние, пришел, не да судить мирови, но да спасется Им мир." А взойдите еще на Голгофу, и там уже не будет вам никакой нужды спрашивать о величии любви Сына Божия к грешнику... Тут Сам Он самым делом оправдывает слова Свои: "Больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя." Тут каждая язва на теле Спасителя, каждая капля крови, каждый вздох, вылетевший из груди Его, — все, все говорит о бесконечной любви Его к грешнику... Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя... О, безмерная любовь Божия! Где-ж други твои, за которых Ты полагаешь душу Свою?... Какие друзья окружают Тебя? Это ли друг Твой, который дает Тебе святотатственное лобзание? Это ли друзья Твои, которые осыпают Тебя заплеваниями, заушениями, ранами, осуждают на смерть, распинают на кресте?... Это ли друзья Твои, на которых небо не может смотреть и закрывает ясные очи свои, которых земля не может держать, и трепещет от тяжести грехов

их?... А Ты и за них, неизреченная Любовь, и за них взываешь со креста к Отцу Своему небесному: "Отче! Отпусти им: не ведают бо, что творят..." Кто же, повторяю, измерит бездну любви и милосердия Божия к человеку-грешнику?... Итак, опустив в землю родного, или близкого нам, прольем о нем слезы, как о грешнике, но, в то же время, вверим его милосердию Божию, вспомнив, что и этот грешник дорог был для Господа, что и за него принесена умиловительная жертва на кресте, что и за него пролита на Голгофе бесценная кровь, и скажем с Апостолом: "Аще Бог по нас: кто на ны? Иже убо Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его: како убо не и с Ним вся нам дарствует." Проливая слезы над прахом близкого нам, припомним некоторые черты из жизни его: Он был грешник, но он веровал в Сына Божия, пролившего кровь Свою для искупления мира, а веруяй в Он не будет осужден, и Бог послал в мир Сына Своего именно для того, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имать живот вечный. Был грешник; но сподобился св. таинства крещения, а это таинство — дверь в Царствие Божие. Был грешник; но, может быть всегда твердо исповедывал имя Христово; может быть, не раз смеялись над ним, когда он, например, молился, издевались, когда посты соблюдал; ложно толковали о нем, когда он св. места посещал по чистому усердию благочестивого сердца, а он не переставал молиться и поститься, как бы не слыша никаких оскорблений, не видя никаких насмешек, — а таким обещана мзда многа на небесех. Был грешник; но, может быть, в жизни своей не раз удавалось ему прощать ближних своих, а сказано: аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный. Был грешник; но,

может быть, не любил фарисейской гордости, а лобызал мытарево смирение: а иже смирится яко отроча, есть болий в царствии небеснем. Был грешник; но, может быть, был незлобив и отличался боголюбезною кротостью: а кротцыи наследят землю. Был грешник; но, может быть, был милостив к бедным, а милостивии помиловани будут; может быть, любил принимать к себе странников, навещать и назидать узников, посещать больных, а таких первее всех призовет Господь в царство Свое; и чаша воды, поданная вовремя жаждущему во имя Христово, забыта у Него не будет. Был грешник; но, может быть, любил быть в мире со всеми, миротворить враждующих друг с другом, а такие миротворцы сынами Божиими нарекутся. Был грешник; но, конечно, не раз в жизни каялся и каялся с сокрушенным сердцем о грехах своих, и не раз служитель алтаря молился о прощении грехов его и разрешал от них по данной ему власти: елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех. О, невольню сердце забьется от радости, невольню взор увлажнитися слезою умиления и благодарности, когда вспомнишь то преимущество христиан, по которому все грехи наши, если только они исповедуются с сокрушенным сердцем перед служителем алтаря Господня и разрешаются им, — изглаждаются и там на веки; и напротив, каждое доброе дело наше, каждая слеза молитвы, каждый вздох сокрушения, каждая добрая, благочестивая мысль — все это неизгладимо печатлеется в книге Судеб Божиих для нашего оправдания!... Вот что для нас приобрели бесценные заслуги Христовы! Без этого — как ни обширна геенна, а и она кажется, была бы тесна для всех...

Был грешник; но, конечно, не раз в жизни со страхом и верою приступал к принятию святых Таин Христовых; а ядый Мою плоть, сказал Спаситель, и пей Мою кровь, имать живот вечный. Был грешник; но, может быть, в последний раз принес искреннее, чистосердечное покаяние во грехах, в последний раз с полною верою и несомненной надеждой приступил к Чаше Господней, в последний раз удостоился принять св. елеопомазание, — таинство, о котором св. Апостол так выразился: "Аще грехи сотворил есть, отпустятся ему." А как важны и дороги для нас последние минуты нашей жизни! Сам Господь обещал дать по пенязю и тем, которые придут не только в первый, а и в единыйдесятый час; обещал и обещание Свое оправдал самым делом, когда даже разбойнику, висевшему на кресте и от сердца сказавшему Ему: "Помяни мя, Господи, егда приидеши, во царствии Твоем, — рек, — днесь со Мною будеши в раи." Все это столько проливает в сердце отрады и утешения!... А посмотрите еще внимательнее на трогательный обряд погребения, прислушайтесь к тем молитвам и песнопениям св. Церкви, с какими она провожает усопшего вашего в могилу... Она возлагает на чело усопшего венец с изображением Иисуса Христа, Пречистой Его Матери и св. Иоанна Предтечи, и с надписанием трисвятой песни, как знак того, что тут, во гробе, почивает воин Христов, оставивший поприще подвигов с честью, и за то предлежит ему венец правды по милосердию Божию, по ходатайству Пречистой Матери Божией и св. Иоанна Предтечи Христова. Она вокруг тела усопшего многократно совершает каждение фимиамом, как знак того, что душа усопшего, подобно

фимиаму, восходит на небо, и что молитвы Церкви о нем приятны для Бога. Она оглашает гроб трисвятою песнею, в знак того, что усопший, исповедовавший Пресвятую Троицу, теперь переходит в царство духов, неумолчно воспевающих Богу трисвятую песнь. Она возжигает вокруг гроба свечи, как знак торжества и светлой радости о том, что усопший брат наш возвращается к Непроступному Свету. Она устами служителя своего читает разрешительную молитву, в которой просит у Господа усопшему отпущения всех грехов его, и влагает ее в руки ему, как знак того, что Церковь в мире с ним, влагает ту грамоту, которую с такою радостью св. благоверный великий князь Александр Невский, лежа во гробе бездыханный, взял, как живой, из рук архипастыря.

Она заповедует, чтобы во время литургии заупокойной стояла во храме чаша с пшеном вареным и подслащенным. Зачем это пшено? Для нашего утешения. Оно говорит нам: как зерно, брошенное в землю, сгнивает и потом снова оживает, так и тело почившего, после истления снова встанет. Зачем это подслащение? Опять для нашего утешения. Оно говорит, что это тело некогда встанет, и встанет для лучшей и приятнейшей жизни, нежели какова жизнь настоящая. Сколько же отрады и утешения проливает в сердце и сама Церковь святая, когда мы проливаем слезы, стоя у гроба!... Но не только Церковь, а и само кладбище христиан православных немало дает нам утешения, скорбящий брат мой. Вот могила твоего близкого родного: ты видишь перед собою водруженный в нее крест, видишь Распятого на нем, видишь и пречистые руки Его, простерты на кресте, и

верующее сердце твое скажет тебе: так вот кто хранит родного моего в могиле!... Это Сам Христос Спаситель, Который Своею пречистою кровью омыл наши скверны греховные и Своею смертью поправил нашу смерть, да живот вечный обрящем... Так вот кто обеими руками, распростертыми на кресте, благословляет моего родного в могиле и в то же время ходатайствует за него перед Отцем Своим небесным!... Это Тот, Кто в последние дни земной жизни Своей говорил в утешение Апостолам: "В дому Отца Моего обители многи суть. Иду уготовати место вам и, аще уготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к Себе, да, идеже есмь Аз, и вы будете"; Это Тот, Кто в последние дни земной жизни Своей молился Отцу Своему небесному: "Отче Праведный! Не о сих (Апостолах) молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да любы, ею же Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них", а во время вознесения на небо воздвиг руке Свои и благослови Апостолов... Апостолы поклонились Господу, благословившему их, и возвратились в Иерусалим с великою радостью. Поклонись и ты, скорбящий брат мой, пред животворящим крестом, осеняющим могилу твоего родного, и иди в дом твой с миром и утешением: под такою всемогущею охраною не страшно, под таким всепрощающим благословением не тяжело лежать родному твоему в могиле.

Поясним тепер, сколько можем, то состояние в каком находятся усопшие от минуты смерти до минуты страшного суда Божия.

Итак, что же бывает с душою после разлуки ее с телом? Об этом мог бы сказать Лазарь, или сын вдовы Наинской, или дочь Иаира, воскрешенные Спасителем. Могли бы сказать и другие мертвецы, воззванные опять от смерти к жизни. Мог бы, например, сказать препод. Афанасий Печерский, на третий день вставший из гроба; но из них никто, никто о том ничего не сказал. Сколько ни просили препод. Афанасия открыть что-нибудь о жизни за гробом, он ничего не сказал, а заметил только: "Если я вам скажу, вы не поверите мне и не послушаете меня. Кайтесь каждый час, и молитесь... и больше не спрашивайте меня ни о чем... Простите меня", — заметил он, и затворился в пещере, где провел еще двенадцать лет. Итак, нет нам вести оттуда: небо высоко, оттуда не слышно; могила и близка, да молчалива. А как бы нам хотелось узнать что-нибудь о состоянии усопших, и как, может быть, и некоторые из них желали бы нам поведать о своей участи за гробом! Но пусть и мы хотим, пусть и они желают, но ни они передать нам, ни мы принять от них всех подробностей той жизни никак не можем, потому что мы живем под такими условиями, которые для них не существуют, каковы, например, время и место; а они живут под своими условиями, которые для нас непостижимы. Как вы объясните младенцу, едва умеющему различать шуйцу свою от десницы, как объясните ему, что такое, например, земля, что такое воздух и т. д.? Сколько ни объясняйте ему, он ничего не поймет, потому что все это пока выше его понятий, и вы сами, как ни хорошо знали бы то, что хотели бы сообщить ему, не в состоянии были бы высказать ему что-нибудь по его силам, ясно и вразумительно. Мы объясняем большей частью

посредством примеров, сравнений и т.п. Но с чем вещественным сравнить духовное, с какими годами сравнить вечность?... Вот почему, между прочим, усопшие ничего не могут сообщить нам о себе! Они не могут передать нам вразумительно для наших понятий, да и мы, если бы они стали передавать нам, не могли бы понять того, что бы они нам сообщали.

Вот почему и св. Апостол Павел говорил о себе: "Знаю человека во Христе, который (в теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю, Бог знает) восхищен был в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать." Вот почему и Сам Христос сказал Никодиму: "Если Я сказал вам о земном, и вы не верите: как поверите, если Я буду говорить вам о небесном!" Впрочем, как ни непостижимы для нас тайны жизни загробной, но то, что нужно нам знать, то открыто для нас. Вместо усопших говорит нам о них св. Церковь, говорят о них св. отцы и учителя Церкви; а были даже случаи, когда и сами усопшие отверзали уста свои, чтобы высказать нечто живым о себе и о своей участи за гробом. Итак, вот что говорит о жизни за гробом св. православная Церковь: "Души, исшедшие от телес человеков, при смерти покаявшихся, но не сотворивших плодов, достойных покаяния, удержаны бывают на мытарствах" Но прежде последнего суда ни праведные, ни грешные не получают совершенного воздаяния, хотя и не все души находятся в одинаковом состоянии и не в одно и то же место отсылаются; души умерших блаженствуют или мучатся по своим делам. Разлучившись с телами они тотчас переходят или к радости, или к печали и скорби, впрочем,

не чувствуют ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Ибо совершенное блаженство или совершенное мучение каждый получит по общему воскресении, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно. Вот что сказали о состоянии душ усопших ангелы преп. Макарию Александрийскому: "В продолжении двух дней по смерти тела, душе позволено вместе с находящимися при ней ангелами оставаться на земле, где хочет. Почему душа, любящая свое тело, скитается иногда около дома, в котором разлучилась с телом, иногда около гроба, в котором положено тело, и так проводит два дня, как птица, ища гнезда себе. А добродетельная душа посещает те места, в которых имела обыкновение творить правду. В третий день Спаситель повелевает вознести ее на небеса для поклонения Богу. Вот почему в третий день Церковь совершает приношение и молитву за нее.

После поклонения Богу повелевается от Него показать душе различные обители святых и красоту райскую. Душа все это рассматривает шесть дней, удивляясь и прославляя Создателя всего — Бога... Душа грешная, при виде наслаждений святых, начинает скорбеть и укорять себя за то, что она сама себя лишила такого блаженства. После этого она опять возносится ангелами на поклонение Богу. Вот почему Церковь воспоминает усопших в девятый день.

После вторичного поклонения Богу она, по повелению Божию, отводится в ад, чтобы видеть находящиеся там места мучения. По сим

различным местам она носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой не подпасть осуждению на заключение в оных. В сороковой день она опять возносится на поклонение Богу, и тогда уже праведный Судия определяет ей соответственное делам ее место. Вот почему в сороковой день Церковь поминает усопших.⁵ Вот что сообщила о жизни загробной ученику препод. Василия Нового, Григорию, преп. Феодора, явившись ему по смерти своей в сонном видении: "Душа, разлучившись с телом, смотрит на него, как человек смотрит на сброшенную с себя одежду; потом она проходит различные мытарства, на которых истязаются различные грехи ее; таких мытарств число простирается до двадцати, по числу главных родов греха." А св. Кирилл Александрийский подробно описывает мытарства, или такое состояние в которое душа сразу по смерти тела вступает, и здесь задерживается и страдает, не зная, что с нею будет. Тот же св. отец подробно описывает и то живое участие, какое принимают в этом деле ангелы, добрые и злые. Преп. Зосима Соловецкий в десятый день после кончины своей явился ученику своему Даниилу и сказал, что он уже прошел мытарства и вошел в лик преподобных. А препод. Афанасия явилась вскоре после кончины своей в сонном видении настоятельнице монастыря, где и она подвизалась, и объявила ей: "Знай, что после сорока дней я получу уготованное место от Бога". Препод. Антоний Великий, будучи в духе, чувствовал себя как бы несомым по воздуху и видел, будто ангелы несли его по воздуху на небо, а демоны противились им, выдумывая на него различные клеветы; но когда их посрамили, путь на небо сделался свободен и Антоний пришел тогда в естественное

состояние. Препод. Нифонт видел в духе, как души разлучаются с телами, как ангелы по воздуху несли душу праведную, как задерживали ее на пути силы темные, находившие в ней некоторые грехи: слышал, как ангелы спрашивали у ангела-хранителя души, точно ли она сделала те грехи, в которых обвиняли ее духи злобные, и как ангел отвечал, что она точно сделала эти грехи, но омыла их слезами покаяния, и тогда ангелы изрекли следующие, отрадные для кающихся грешников, слова: "Все грешники, исповедующие грехи свои со слезами, по милости Божией могут получить прощение, а без покаяния умерших судить будет Бог." Видел он также, с какой адской радостью нечистые духи влекли в геенну ожесточенного грешника, умершего без покаяния, и какими горькими при этом слезами обливался ангел-хранитель. Вот еще слова отцов Церкви: Св. Иринея: "Души умерших Христиан пребывают в невидимом месте до всеобщего воскресения; по воскресении же тела приступят к созерцанию лица Божия." Св. Григория Богослова: "Всякая душа добрая и боголюбивая, как скоро, по разрешении от сопряженного с нею тела, освободится отселе, — приходит в состояние чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищении, или отложении (или еще не знаю, как и выразить) того, что ее омрачало, — услаждается чудным каким-то услаждением, веселится и радостно шествует к своему Владыке." Св. Афанасия Великого: "Самая радость, которую теперь ощущают души святых, есть наслаждение частное, как и печаль грешников есть наказание частное. И как, когда царь призывает друзей своих, чтобы разделить с ними трапезу, равно и осужденных, чтобы наказать их, званные на вечерю даже до часа

вечери пребывают в радости пред домом царя, и осужденные, быв заключены в темнице, доколе не придет царь, предаются печали: так должно думать и о душах праведников и грешников, ныне переселившихся туда от нас." Св. Амвросия Медиоланского: "Пока ожидается исполнение времени, души (усопших) ожидают себе должного воздаяния. Одних ожидает наказание, других награда, и однако же ни те не остаются без страдания, ни эти без наслаждения." Если возьмем во внимание молитвы и песнопения св. Церкви, то также увидим в них подтверждение той мысли, что душа, тотчас по разлучении с телом, начинает проходить воздушные мытарства при живом участии ангелов, как добрых, так и злых. Вот, например, как она об этом говорит:

"Да покрыет срам и студ студная и мрачная лица вражия, егда смиренная моя душа от тела распрягается: туюжде да покрыют, наставниче мой, светлая твоя и пресвященная крила. Молю тя, хранителя моего, буди ми защитник и поборник непоборим, егда прехожду мытарства лютаго миродержца" и проч. Итак, сколь, повидимому, ни различны сказания о состоянии усопших, а все в них заключается одна главная мысль, та именно, что каждая душа по разлучении с телом тотчас истязуется или подвергается частному суду, проходя воздушное пространство, и потом уже, по определению Божию, получает приличное по своим заслугам место, где и остается до всеобщего, страшного суда, не слыша еще доселе решительного, неизменного для себя приговора, который бы навсегда определил участь ее. Следовательно, усопшие походят на узников, которые,

содержась под стражею, ожидают себе решительного приговора. Что же у нас бывает на земле с людьми, содержащимися под стражей? Все ли они терпят одинаково горькую участь? О, нет... Сколько родов преступлений, столько же почти родов состояния преступников. Безотраднa участь уголовных и закоснелых преступников: они, терпя несравненно более других, нередко с отчаянием и ожесточением ждут себе смерти, которой угрожает им приговор. Не так безотраднa, не так горька участь других, менее виновных преступников, и чем меньше их вина, тем чище их совесть и тем лучше их положение: они живут уже не отчаянием, а сладкою надеждою на милость, которую и получают. Подобным образом и все усопшие там, в загробной жизни, как преступники, как бы содержатся под стражей до всеобщего суда и, смотря по степени преуспевания их в добре или зле, и участь имеют более отрадную или более горькую. И там, как и здесь, для некоторых уже окончилась мера долготерпения и милосердия Божия; они, зная свою горькую участь и страдая, то от угрызения совести, то от страха предстоящих им страшных мучений, то от общения с ужасными силами адскими, блюдутся для вечного наказания; это нераскаянные, ожесточенные грешники, это люди, о которых Спаситель сказал: "Иже речет на Духа Святаго, не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий" ; это люди, неспособные даже к получению милости Божией; они еще в земной жизни погасили уже в себе дух Христов, и потому им и там не может быть части со Святыми; они подобны тому зерну, брошенному в землю, которое еще в житнице потеряло силу растительной жизни: орошайте его сколько угодно водою, открывайте

влиянию животворного солнца, оно никогда не возникнет из земли, никогда не разовьется: оно умерло, и умерло навсегда.

Но есть там и другие узники, для которых милость Божия светит и за мраком могильным, это верующие в Иисуса Христа и умершие с покаянием; это люди, в душе которых, как на ниве, росли вместе и пшеница и плевелы. Они, чувствуя угрызения совести за свои грехи и страшась мучений, предлагающих за оные, в то же время улаждаются той отрадной мыслью, что Господь помог им во время земной жизни и добро творить, за которое они теперь с радостью ждут себе полной награды, утешаются и тем, что не так далеко от них светлые ангелы, и не так близко к ним мрачные демоны. Правда для них нет там таинства покаяния, которым заглаждаются грехи, и, следовательно, нет собственных способов смыть те греховные скверны, которые не могут быть терпимы в царстве чистоты и правды: но чего они не могут сделать для себя, то мы, живые, можем сделать для них; можем сделать, чтобы Господь простил им и остальные грехи и удостоил их вечного блаженства. Какие же для этого есть средства у нас? Это:

Во-первых, молитва о них, соединенная с верою. Сам Спаситель наш сказал: "Вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примете." И чего он не делал одним по вере и молитве других? За что Он исцелил раба сотника, как не за веру его господина, или дочь жены Хананейской освободил от мучений дьявола, как не за веру ее матери? За что расслабленному отпустил грехи и исцелил, как не за веру тех, которые принесли его к Нему? 4 Так действовал Он во дни

земной своей жизни; так действует и доселе: ибо Он вчера и днесь, той же и во веки. Знали эту истину еще в Ветхом Завете, и живые молились об умерших.⁶ На молитву об умерших, как на благодетельное для них средство, указывали многие отцы и учителя Церкви. "Когда в церкви произносят имена усопших, — говорит св. Епифаний Кипрский, — то что сего полезнее?... Молитвы, совершаемые об умерших, приносят им пользу, хотя и не заглаживают всех преступлений." "Как св. Церковь научает нас о путешествующих братьях молиться с верою и упованием, что совершаемые о них молитвы полезны им: так надобно разуметь и о молитвах, совершаемых об отшедших от мира сего." "Для умерших благодетельны поминовения — говорит св. Ефрем Сирийский. — Смотрите, вот и пример сему представляют некоторые творения Божии, как то виноград — его зреющие гроздья в поле и выдавленное вино в сосудах. Когда созреют ягоды на виноградной лозе, тогда вино, стоящее в доме неподвижно, начинает пениться и волноваться, как бы желая убежать. То же бывает, кажется, и с растением-луком, ибо как скоро начнет созревать лук, посаженный в поле, в то же время дает отпрыски и лук, находящийся в доме. И так, если и растения имеют между собою такое соощущение, то не более ли для умерших ощутительны молитвенные приношения." Второе средство помогать усопшим состоит в подавании за упокой их милостыни и в различных пожертвованиях для храмов Божиих; первое — как потому, что милостыня, подаваемая бедным, приемлется Самим Спасителем, так и потому, что бедные, получив милостыню, без сомнения, не оставят в молитве помянуть того, в чью память они получили подавание и

помощь; второе — потому, что отдается в жертву непосредственно Самому Богу. Вот что говорил св. Иоанн Златоуст родителю богачу, потерявшему сына, единственного наследника имени своего: "Если варвары сожигают с умершими их имущество, то, тем более, ты должен отослать вместе с умершим принадлежащее ему имущество, дабы оно облекло умершего в большую славу, дабы, если он отошел отсюда грешным, разрешило его от грехов, а если праведным, увеличило его награду и воздаяние." "Если мы хотим облегчить мучения грешника, — говорит тот же св. отец, — то будем творить чистые о нем молитвы, будем давать милостыню, и, хотя он и не достоин, Господь сжалятся над ним... Не о гробах, не о погребальных церемониях надо заботиться. Поставь вокруг гроба вдовиц, вот лучшее погребальное торжество! Поведай имя его, повели всем творить о нем мольбы и моления и сие умилоустит Бога " "Кто творит приношение за умершего, — говорит св. Афанасий Великий, — тот ту же самую имеет цель, которую имеет и отец, у которого дитя юно и совершенно бессильно. Если дитяти случится страдать от болезни: то отец его с верою приносит в Божий храм свечи, ладан и елей для сожжения об исцелении дитяти от болезни. Дитя не сам оныя держит и приносит... Так должно думать и об умерших в Бозе и держать и приносить свечи и елей, и все то, что служит к его искуплению, и благодать Божия не отступит от намерения веры." Наконец, третье, самое важное и сильное средство облегчить участь усопших есть совершение за упокой их бескровной жертвы. Здесь частицы, взимаемые за упокой усопшего, погружаются в спасительную кровь Христову, а она, эта святейшая кровь, очищает

нас от всякого греха. Здесь пред престолом милосердия Божия, в присутствии и при содействии архангелов и ангелов, херувимов и серафимов, служитель алтаря, облеченный силою свыше, просит милости Божией тем, за упокой которых приносится страшная Тайна. Здесь Сам Господь Иисус Христос, Который в это время есть приносяй и приносимый, таинственно нисходит с неба, закаляется на св. жертвенник, и тем ходатайствует пред Отцем Своим о прощении грехов усопшему. О, что же может быть выше и могущественнее сего ходатайства! Вот почему с особенной силой указывают на средство это св. отцы и учителя Церкви.

"Если бы какой царь послал досадивших ему в ссылку, — говорит св. Кирилл Иерусалимский, — а их ближние потом сплетши венец, принесли ему оный за терпящих наказание, то не сделал ли бы он им облегчение наказания? Таким образом и мы за усопших, если они и грешники, принося Богу молитвы, не венец сплетаем, но Христа, закланного за наши согрешения, приносим, умиловывая за них и за нас человеколюбца Бога. Величайшая будет польза душам тех, о ком возносится моление в то время, когда предлежит святая и страшная жертва." "Не напрасно узаконено Апостолами, — говорит св. Иоанн Златоуст, — творить пред страшными Тайнами поминовение об усопших: они знали, что великая бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние. Когда весь народ и священный собор стоят с простертыми к небу руками и когда предлежит страшная жертва, то как не умиловывим мы Бога? Но это о тех только, которые в вере умерли." "Как бывает, — говорит св.

Афанасий, — с заключенным в сосуде вином, которое, когда цветет виноград в поле, слышит запах, и цветет вместе с ним, так думай и о душах грешников: они получают некоторое благодеяние от приносимой за них бескровной жертвы и благотворения, как знает и повелевает единый Владыка живых и мертвых, Бог наш." Но не исчисляя всех свидетельств св. отцов и учителей Церкви о том, какую пользу приносят усопшим молитвы, литургии и милостыни, (потому что их слишком много), не скроем, однако же, и тех возражений, какие обыкновенно делают касательно молитв за усопших. Например, говорят: если молитвы за усопших так полезны для них, то от чего же в священном Писании нет прямого указания на то, что должно молиться за усопших? Но разве можно требовать от св. Писания, чтобы оно непременно давало нам правило на всякий случай, на всякое доброе дело? Вспомним слова апостольские: аще бы по единому писана быша, ни самому, мню, всему миру вместити пишемых книг. И если нет в священном Писании прямой, решительной заповеди молиться за умерших, то нет ведь там и запрещения на то, а этого уже и довольно для нас, чтобы молиться за них. А, впрочем, вот что говорит Апостол Иаков: "Молитесь друг за друга, яко да исцелеете". Тут не обозначает он ни места, ни времени, ни других обстоятельств молитвы, и тем самым, очевидно, вменяет нам в непременную обязанность молиться за ближних вообще, не только за тех, которые живут с нами на земле, но и за тех, которые переселились отсюда в другой мир, мир загробный, тем более, что не только мы, живущие, но и все умершие для Бога живы суть. Вот что говорит и Сам Спаситель: "Иже речет (хулу) на Духа Святаго, не

отпустится ему ни в сей век, ни в будущий." Значит, есть грехи такие, которые отпускаются не только в здешней, но и в будущей жизни, а есть и такие грехи, которые не прощаются ни здесь, ни там. Понятны способы, по которым здесь отпускаются нам грехи, это — горячая молитва, соединенная с верою, глубокое раскаяние, добрые дела, некоторые таинства, и преимущественно таинство покаяния: но какие способы для прощения грехов там, за гробом? Там нет никаких таинств, которыми здесь очищается и освящается наша душа, там нет места ни покаянию, ни подвигам нашим, потому что здесь сеяние, а там жатва, и если при всем том для умерших возможно отпущение грехов, то как же оно возможно, если не по молитвам Церкви? Другого способа и представить нельзя. И мы уже видели прежде, что Иуда Маккавей приносил жертву за умерших воинов, и приносил с тою именно целью, да от греха очистятся. Но, — продолжают пытливые умы, — что же значит евангельская притча о богатом и Лазаре? Тут праведный Авраам прямо и решительно сказал грешному богачу: "между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящие прейти отсюда к вам не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят." Не следует ли отсюда, что напрасны и молитвы наши за усопших, когда для грешника не возможен там переход из ада в рай, когда ни иже оттуду к нам преходят?...Нет, не следует, и вот почему:

Прежде всего, мы знаем, что Сам Спаситель, по смерти Своей, нисходил душою Своею во ад, яко Бог, чтобы там возвестить победу над грехом и смертью и вывести оттуда ветхозаветных праведников и

других, умерших с верою в Него. И потому, если уже был переход из ада в рай, — он, без сомнения, возможен, и возможен особенно стал после того, когда Господь Своєю смертью и воскресением разрушил твердыни ада и извел оттуда многих. А невозможен он будет только после всеобщего воскресения и всемирного суда Христова, — Потом, кто услышал от Авраама решительный отказ в переходе из ада в рай? Великий грешник, может быть, такой грешник, которому никакая молитва не в состоянии помочь, как не могут помочь и наши молитвы, например, самоубийцам, упорным, нераскаянным еретикам и т.п. — Если на небе обители многи суть, соответственно нравственному состоянию праведников, — то, без сомнения, и в аде есть также свои различные обители, затворы и хранилища душ, тоже в соответствие различному нравственному состоянию грешников. В одних из этих мрачных обителей люди страдают в пламени без всякой надежды на лучшую будущность, как страдают в наших темницах такие преступники, для которых по законам уже невозможно помилование, и которым уже решительно назначена смертная казнь. Но в других обитают люди, хоть и грешные, но умершие с верою и покаянием, как и ветхозаветные праведники, и вот для таких-то людей, как и для ветхозаветных праведников, переход из ада в рай, без сомнения, возможен и возможен конечно, не по их каким-нибудь подвигам в жизни загробной, они там невозможны, а, единственно, в силу заслуг Христа Спасителя, и в силу права, дарованного Им Церкви, — права отпускать людям грехи.

Наконец, кто в евангельской притче просит об улучшении жалкой участи бедного богача? Из нее не видно, чтобы молились за него живые, с которыми он некогда веселился на вся дни светло: таким людям, видно, не по сердцу тихая молитва; — шумное, буйное веселье — вот чего жаждет их сердце! Нет, не они, а он сам молился за себя, сам за себя ходатайствовал, а мы так и веруем, что там за гробом, могут улучшить участь нашего близкого не его собственные там заслуги, не его молитвы, а наши молитвы и милостыни, — и вот еще причина, почему евангельский богач не получил себе удовлетворения. Значит, эта притча вовсе не может служить опровержением православного учения о молитве за умерших: что не возможно было для богача, то возможно для других.

Но что же значат, — еще предлагают вопрос, — слова Апостола, что Бог воздаст коемуждо по делом его, и что на суде Христовом примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла? Не значат ли они то, что в загробной жизни каждый должен получить себе награду единственно по собственным личным заслугам, какие кто успел оказать на земле, а отнюдь не по молитвам Церкви? На этот вопрос не труден ответ. Никто не спорит и спорить не станет, что собственные подвиги в жизни земной для каждого имеют значение в жизни загробной, но никто не в праве утверждать и того, будто собственные подвиги земные служат единственным средством для получения венцов небесных, иначе что же будут значить заслуги Христа Спасителя, что ходатайства святых и молитвы Церкви как о живых, так и о умерших?... Нет, если мы молимся об усопшем, то

молимся потому, что Церковь не только разрешает, но и повелевает за него молиться, как за доброго, верного сына ее, и вот это и составляет уже его заслугу перед Церковью! Молимся потому, что он заслужил нашу любовь, которая собственно и движет наше сердце и уста на молитву за него, и вот это и составляет уже его заслугу перед нами!... Значит и молитва Церкви за усопшего, и молитва за него каждого верующего, все это — его собственная заслуга, которая и дает ему право ожидать улучшения своей участи от наших молитв. Вот как нужно понимать приведенные слова Апостола, иначе, как объяснить, например, то, что Спаситель во дни земной жизни Своей делал добро одним не только по их собственным заслугам или молитвам, а также и по мере веры и молитвы других? Вот слуга сотника болен, и он не просит себе исцеления у Спасителя, а просит за него об этом господин его, и просит, без сомнения, потому, что слуга умел заслужить его любовь своей жизнью; и что же? Милосердный Господь, принимая в уважение как добрую жизнь слуги сотникова, так и горячую веру и молитву господина его, исполняет желание сотника, — и вот слуга выздоравливает. Подобным образом Господь внемлет и нашим молитвам об усопших, хоть они там и не могут за себя молиться, и по мере веры нашей и молитвы исполняет наше прошение: Он вчера и днесь, тойже и во веки. Наконец, еще одно слово пытливой души: вы молитесь об усопших, но кто знает?... быть может, один из них уже в раю, и потому не нуждается в вашей молитве; другой — в такой обители ада, где уже не поможет ему никакая молитва. Итак, не напрасны ли ваши молитвы, когда вы не знаете о действенности и успехе ваших молитв? Что можно на это

сказать? Можно и должно сказать вот что: молись о каждом усопшем, кто бы он ни был, праведный или грешный; молись, если только Церковь не запрещает тебе о нем молиться; молись, хоть бы ты и ничего не знал об успехе и действенности твоей молитвы; молись потому, что это — святая заповедь матери твоей Церкви, это — священная, насущная потребность твоего собственного сердца... Если усопший, о котором ты молишься, уже в раю и потому не нуждается в твоей молитве — что за беда? Твоя молитва, конечно, там не повредит ему; напротив, она порадует его и подвигнет его самого ходатайствовать за тебя пред престолом милосердия Божия. Если же усопший, о котором ты молишься, в такой обители ада, где уже невозможно улучшение его участи, то опять — что за беда? Молитва твоя никак повредить ему не может, а, между тем, он там ее слышит и чувствует, и, может быть, мысль, что есть еще существа, помнящие его, что не всеми еще оставлен он, — эта мысль то же для него в безотрадном положении, что для евангельского богача — капля воды, которой просил он себе, мучась во пламени. Твою молитву слышит и Сам Бог, и если по этой молитве Он не облегчит тяжелой участи твоего усопшего, то, по крайней мере, наградит тебя самого, наградит непременно. Он видит, Он знает, что в молитве твоим сердцем и устами движет единственно любовь твоя к ближнему, и какая любовь! Не земная, можно сказать, к которой больше или меньше примешивается какая-нибудь корысть, а чисто христианская, бескорыстная любовь к ближнему, потому что кто же от усопшего станет ожидать себе корысти? А такая ли высокая любовь не заслужит тебе награды от Того, Кто Сам — любви есть?... Ей,

заслужит!... Вот и все главнейшие вопросы и недоумения, которые или сами собою возникают в душе при мысли о молитве за усопших, или высказываются неправомыслящими. Здесь уместно представить несколько примеров таких, из которых бы видно было, что и сами умершие свидетельствовали иногда живым, как полезны для них молитвы верующих. Вот что рассказывает, например, св. Григорий Двоеслов: Один пресвитер, имевший обыкновение мыться в теплицах, однажды там нашел незнакомого мужа, который и служил ему там. Так как потом это повторялось несколько раз, то пресвитер, чтобы поблагодарить этого знакомого за его усердие в теплицах, принес туда две просфоры и предложил ему, но вот что услышал от него: "Отче, это святой хлеб. Для чего даешь мне это? Я есть не могу. Я, которого ты видишь, был некогда господином места сего, но за грехи мои здесь осужден. Если желаешь сделать для меня что-нибудь, то принеси вместо меня хлеб Всемогущему Богу и молись о грехах моих и знай, что ты услышан, когда, пришедши мыться, меня более не найдешь здесь." Сказав это, он сделался невидим. Пресвитер в течение целой недели приносил Богу каждый день за упокой его бескровную жертву и, пришедши после того в теплицы, уже не нашел там более знакомого.

Инок, именем Иуст, живя в монастыре, где братья имели все общее и ничего собственного, скрыл у себя три золотые монеты, и за то после смерти брошен был в помойную яму и зарыт в ней с найденными у него монетами. Но спустя тридцать дней после его смерти, братья, сжалившись над ним, начали совершать за упокой его

литургию и совершали тридцать дней. В последний из этих дней умерший Иуст явился родному брату своему Копиозу, даже не во сне. Копиоз с любопытством спросил его: "Что, брат? Каково тебе?" "Доселе худо было мне, но теперь хорошо", — отвечал умерший. Препод. Афанасия, когда, в сороковой день по кончине ее, сестры, обсчитавшись днями, забыли попросить священника совершить за упокой ее литургию, вечером того же дня явилась в сонном видении игуменья и обличила ее, как за то, что она забыла сороковой день по смерти ее, так и за то, что она раздавала милостыню за упокой ее не сорок дней, как она завещала, а только девять. И в заключение сказала: "Да будет вам известно, что творимая за душу милостыня и иерейские молитвы умилоствляют Бога: если души усопших грешны, то через это они получают от Бога прощение грехов, а если чисты и праведны, то творящие поминовение сами на себя через это низводят милости Божии." Две благочестивые девственницы имели несчастную привычку осуждать других. Сколько ни убеждал их препод. Венедикт оставить эту привычку, угрожая даже в случае упорства отлучением их от приобщения Св. Таин, все было напрасно: с этой привычкой они и скончались. Что же после того? По смерти их многие стали видеть их в Церкви, где они стояли до тех пор, пока дьякон не возглашал: елицы оглашеннии, изыдите. После этого возглашения они тотчас выходили из храма. Преподобный Венедикт, узнав об этом, велел совершить за упокой их литургию, и после того никто уже не видал их ни входившими, ни выходившими из храма, — знак, что грех был уже прощен. На востоке в одном месте стали рыть землю для основания монастыря и нашли в земле двадцать тел,

черных как уголь, но ни мало не тронутых тлением. Святитель, иноки и народ, желая узнать, чьи это тела, стали со слезами молиться Богу, и, по их молитве, один из этих несчастных встал и сказал, что тут был некогда монастырь, что он и девятнадцать его товарищей, не смотря ни на какие убеждения и угрозы настоятеля, жили развратно, и вслед за тем просил, чтобы двадцать иноков обещались перед Богом в течение двадцати лет, проведенных усопшими в иночестве, молиться за них Богу с приношением бескровной жертвы. Когда же святитель с иноками изъявил на то свое согласие, — усопший оградил себя крестным знаменем и опять уснул сном смерти, — и сразу же тело его и тела его товарищей превратились в прах, так что святитель тогда же велел ссыпать по обычаю все кости их в общую усыпальницу. Какие все отрадные примеры, отрадные как для живых, так и для умерших! И это отнюдь не все. Их несравненно больше... Но вот в слезящемся взоре вашем я читаю вопрос: все это было давно, отчего же теперь не бывает подобных чудесных явлений?... Знаю, верю, что этот вопрос не плод вашего неверия: как не верить тому, что несомненно было, как не верить, например, явлениям ангелов людям, о которых так часто упоминает Писание и Ветхого и Нового Завета? Нет, не плод вашего неверия этот вопрос, он плод вашей горячей любви к вашему близкому усопшему, такой любви, которая хотела бы, может быть, чтобы близкий вам усопший являлся каждый день к вам с вестью о себе, его свидание с вами слишком дорого, неоцененно для вас. И вот вы спрашиваете: отчего же теперь не бывает подобных чудесных видений? А я вас спрошу: почему же вы

знаете, что теперь не бывают подобные явления? Нет, они и теперь бывают. И вот не угодно ли вам выслушать об одном из них:

В ноябре 1851 года один святогорский инок Н., запятнавший жизнь свою вдали от Афона, утонул на обратном пути в св. гору. Иноки святогорские, услышав о несчастной кончине его, стали молиться о нем, и вот, в конце ноября 1852 г. умерший Н. явился в келью старца С. и сказал: "Ты не пугайся меня, я не приведение, а действительно Н." Старец С., осмотрев его, спросил: "Да не бес ли ты?" "Нет, — отвечал Н., — я истинно Н." "А прочитай "Да воскреснет Бог" и перекрестись, тогда поверю, что ты не бес" — заметил ему С. "Ты меня перекрести, — сказал на это явившийся — ты прочитай "Да воскреснет Бог", тогда и убедишься, что я точно Н." С. исполнил его желание и начал читать, и когда дошел до слов тако да погибнут беси от лица любящих Бога, Н. перебил С. и прочитал: тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся,¹ и глубоко вздохнув, задумался. Потом начал просить, чтобы иноки помолились о нем. "Разве ты нуждаешься в наших молитвах?" — спросил его С. "Ах, и как еще нуждаюсь!" — сказал Н., взявши за руку С. и крепко сжав ее, продолжал: "Помолись обо мне, прошу тебя." "Да я и о себе-то не знаю как молиться, — возразил ему старец — об этом нужно духовника просить." "И попроси, — сказал ему Н., — попроси и всю братию, чтобы они помолились обо мне." Старец, зная, что Н., живя на Афоне, часто ссорился с братиею, предложил ему примириться с нею. Н. задумался, вздохнул и сказал: "Не то уж теперь время"... И еще попросив молитв за себя, сделался

невидимым. Так вот какие бывают и в наши дни явления! И может быть, они бывают и нередко, только малоизвестны, а некоторые даже и совсем неизвестны, потому что редко обнаруживаются. А обнаруживаются редко потому, что подобные видения, служащие для верующего поучительным уроком и назиданием, неверию или даже маловерию могут подать только повод к кощунству, могут возбудить только бессмысленный смех, как предметы суеверия и предрассудков. Нет сомнения, рассказываются иногда и вымышленные какие-нибудь явления, но из этого вовсе не следует, что иногда значит всегда, подобно тому, как если бы какой-нибудь факт оказался ложным, вымышленным, то отсюда никто не был бы в праве заключить, что, следовательно, вся история — вымысел, ложь. Итак, повторяю, и в наши дни бывают явления необыкновенные, чудесные, хотя бывают и не часто, потому именно, что они необыкновенны, чудесны — а Бог без нужды никогда не расточает чудес. Да многие и из нас, конечно, видят иногда если не видения, то по крайней мере сны знаменательные, в которых нередко усопшие являются, беседуют, только мы мало обращаем внимания, потому что привыкли в каждом сне видеть не более, как дело случая или игру так или иначе настроенного воображения, как бы совсем забывая про то, что кроме снов обыкновенных есть еще сны и знаменательные, в которых Сам Бог нередко открывал и открывает людям волю Свою. Не так ли?...

Да, отвечаете вы, и мы действительно видим иногда сны знаменательные; но во всяком случае сон совсем не то, что видение. Не много он успокаивает сердце, мало услаждает душу... То ли дело

видение?... Сколько бы усопший мог принести нам вестей из мира духовного! О, как загадочна эта страна, как таинственен этот мир!... Сколько бы мог пролить он светлой отрады в мрачную душу!... А то все сердце тоскует, все рвется душа... Ах, если бы в самом деле усопшие наши к нам чаще являлись!... Не правда ли, как это было бы полезно для нас?...

Вопрос ваш труден, а потому и отвечать на него я от себя не берусь. А вот послушайте прекрасные замечания об этом предмете одного из великих наших архипастырей. Он говорит:

"И не много думая, видишь, что пользы от сообщения живых с умершими было бы мало, а вред мог бы выходить великий. Какая польза? Утешение в разлуке, успокоение сетующих, несколько менее слез на могилу, несколько тише вздохов... Скажите сами, стоит ли из-за этого поднимать завесу вечности и нарушать безмолвие гробов? И кто еще знает? Утешило ли бы нас это свидание с умершим? Не облились ли бы мы еще горьчайшими слезами, узнав о его состоянии? Не отравило ли бы это всей жизни нашей? Но положим, что свидания с умершими всегда доставляли бы некоторое утешение, думаете ли однако же, чтобы они были безвредны? Я опасюсь в сем случае за многое, опасюсь за живых и за умерших.

Всего вероятнее, во-первых, что сообщение наше с миром духов не остановилось бы на должных пределах; многие простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь гаданиям, суеверию,

волшебствам, а потом и самым ужасным порокам нравственным. Такому злу именно подверглись некоторые из древних народов, у коих найдены были богопротивные средства сообщения с миром духов, почему Моисей под опасением смерти запретил израильтянам искать сего сообщения.

Во-вторых, на что обратилось бы сношение живых с мертвыми? Думаете ли, что предметом его была бы вера святая, любовь христианская, усовершенствование себя в терпении, в смирении, в кротости? Увы, и без сообщения с миром духов можно быть заранее уверенным, что все это сообщение обращалось бы большей частью около предметов недушеполезных: и у одних оно истощилось бы в суетном любопытстве о тайнах мира духовного, знание которых нисколько не назидает душу; у других излилось бы в жалобах на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорчения, земные неудачи; иные потребовали бы от умерших совета, как вести свои дела, выполнить то или другое свое предприятие. А как исправить свое сердце, как освободиться от страстей, как приготовиться к вечной жизни на небе — об этом, вероятно, спросили бы немногие, да и для чего спросили бы? Тоже, может быть, более из любопытства, с тем, чтобы завтра забыть то, о чем спрашивали ныне. Таким образом, нравственной пользы от сообщения с миром духов мы приобрели бы мало, а между тем, возможность сообщения с другим миром непрестанно возмущала бы порядок нашего мира, нарушала бы правильное течение наших дел и занятий, наших мыслей и желаний. Задумали бы, например, какое-нибудь предприятие. Ждали бы, пока можно получить о нем мнение

из другого мира. И кто знает, какое мнение? Мертвые не всеведущи, нередко мог бы быть подан совет не благой, а мы увлеклись бы им.

Наконец, поскольку здешняя жизнь наполнена разного рода неудовольствиями, то, видя часто разверзающимися пред собою двери вечности, многие по нетерпению стремглав начали бы бросаться в другую жизнь; между тем как теперь, не только вера и совесть, — самый мрак гроба своею непроницаемостью останавливает самых наглых и недовольных своей участью."

"И о мертвых нельзя сказать, чтобы возможность сообщаться с нашим миром не была сопряжена для них с опасностью. Трудно и представить, что бы они приобрели от сего?... Знать, что и как бывает у нас в здешнем мире? Они знают и без того. Видеть ничтожность и суету земных дел и помышлений?... Это им виднее, чем нам. Зачем же бы они приходили к нам? Доканчивать свои неоконченные дела? Это не их дело, иначе что значила бы смерть? Между тем, не получая для себя пользы от нисхождения в наш мир, усопшие могли бы получить вред из того.

Каждый возврат на землю более или менее, а всегда земленил бы их снова. С возвратом к прежним лицам и вещам у многих оживали бы нечистые земные привязанности, между тем как теперь, огонь плотских страстей, как бы они ни были сильны, не имея у мертвых питания от земли, обращенный на самого себя, тускнеет и угасает." Кто не согласится с такими светлыми мыслями знаменитого

архипастыря?... И между тем вы так много ожидали себе пользы от сообщения с миром духов!... Но мы уже слишком далеко уклонились, пора возвратиться к делу. Итак, над прахом близкого вашему сердцу соедините в одно три отрадные мысли: Бог бесконечно благ и милосерд; почивший ваш хоть грешник, но грешник не отчаянный — жил с верою и умер с покаянием. Теперь для него нет покаяния; но теперь нет для него еще и решительного приговора, и если он сам не может улучшить своей участи, то могут улучшить ее живые молитвою, милостынею и бескровною жертвою. Смотрите же на кладбища, как на нивы, засеянные почившими, и поступайте так, как поступает земледелец с зерном, брошенным в землю. Что нужно для зерна, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужно, чтобы земля для него была удобрена. Итак, если участь усопшего дорога для вас, не щадите избытков вашего состояния, считайте их, вместе с Апостолом, за уметы, уделяйте их в память усопшего нищим, и вот это и будет для вашего усопшего то же, что удобрение для нивы.

Что нужно для зерна, брошенного в землю, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужен благорастворенный воздух, для которого потребны иногда и молнии и громы. Итак, пусть чаще над прахом вашего близкого курится фимиам, как воздух благорастворенный; пусть чаще, как молния, освещает мрак могилы пламенная и просветленная верою молитва ваша, пусть чаще здесь глубокие, молитвенные вздохи вашего сердца сливаются с песнопениями св. Церкви. Вашему сердцу будет легче и вашему усопшему будет отраднее.

Что нужно для зерна, брошенного в землю, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужно, чтобы чаще орошали его благовременный дождь и животворная роса. Пусть же чаще струится за упокой вашего родного пречистая кровь Божественного Агнца, и это то же будет для него, что благовременный дождь и роса для нивы...

Боже милосердный!... Кто достойно возблагодарит Тебя за то наше счастье, что Ты сподобил нас родиться и жить в недрах св. православной Церкви и через то даровал нам столько средств к получению того вечного блаженства, которое уготовано Тобою для любящих Тебя? С лишком семь тысяч лет прошло, как мир стоит, и как в мир стали являться жертвы смерти, и во все это время Церковь не переставала молиться о прежде почивших отцах и братьях, повсюду православных; пройдут еще, может быть, целые тысячелетия и св. Церковь не перестанет молиться о них, о нас, о наших близких и о всех чадах своих. И перестанет молиться об умерших только тогда, когда не о ком будет молиться, когда упразднится смерть и умерших уже не будет.

Скажите, неужели же эти тысячелетние молитвы Церкви об усопших останутся бесплодны? О, нет! Быть этого не может. Не Сам ли Сын Божий сказал: "Еще аще что просите во имя Мое, то сотворю; просите и дастся вам; ищите, и обрящете; толцйте и отверзется вам?" И если человек, которого друг будет беспокоить просьбой о подаении хлеба, даже неблагоприятно, не откажет ему, если не по дружбе, то

по неотступности просителя: то не более ли Бог милосердный? Сын Божий оставил небо и пришел на землю, да всяк веруяй в Он не погибнет, но имать живот вечный: а для чего Он оставил опять землю и вознесся на небо? Послушайте, что Сам Он, прощаясь с Апостолами, сказал им, а в лице их и всем верующим: "Иду уготовати вам место; и аще уготовлю место вам, паки прииду, и пойму вы к Себе, да идеже есмь Аз, и вы будете." Послушайте, как в последние минуты жизни земной беседует Он с Отцом Своим небесным: "Не о сих же (Апостолах) молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя; да вси едино будут; якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут. Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною; да видят славу Мою, юже дал еси Мне." Что может быть слаще и отраднее для нас этой молитвенной беседы Спасителя?... Итак, да не смущается сердце ваше; только веруйте в Бога, и в Сына Божия веруйте... В дому Отца Его обители многи суть. Обратите слезящий взор ваш на небо: сколько горит там светил небесных! Не менее их уготовано и обителей для верующих во Иисуса Христа. Не все одинакового достоинства светила небесные — иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд. И звезда от звезды разнится в достоинстве. Так и обители небесные не все одинакового достоинства — одни более, другие менее светлы... О, если бы Господь сподобил нас хоть последней из обителей Отца Небесного!... Первые, лучшие обители, конечно для пророков, Апостолов, мучеников, преподобных... Кто же займет другие, меньшего достоинства обители? Милосердие Божие отверзло путь к небу и кающимся грешникам. И св. Апостол и Евангелист Иоанн видел духом, что тмы

тем и тысячи тысяч там славословят Господа... Впрочем, не место здесь думать о своих заслугах и о своем как бы праве на наследие той или другой обители небесной, праве, основанном только на том, что мы верующие, мы христиане. Нет, не уповай на имущества души твоей и не рцы, довольны ми суть для того, чтобы получить Царство Небесное; не рцы: согреших, и что ми бысть? Господь бо есть долготерпелив. Не рцы: щедрота Его многа есть, множество грехов моих очистит. Правда, милосердие Божие так велико, что оно готово бы и самую геенну уничтожить. Но что же делать и милосердию Божию, когда еще остается дьявол со всеми слугами своими? Они так укоренились во зле, что и раскаяться не могут. Для них нужна геенна. Что делать милосердию Божию, когда были, есть и будут люди на земле, которые служат усердно дьяволу, а о Боге и не думают, и живут так до самой смерти!... И для них нужна геенна. А мало ли было и есть лжеименных христиан, которые называются верующими, и ничему почти не веруют. Им ли обольщаться мыслью, что они христиане и потому имеют полное право, по самому званию своему, на наследие царствия Божия? Что за христианин без веры, без любви, без покаяния во грехах? Не гроб ли это, окрашенный, который снаружи кажется красивым, а внутри полон костей мертвых и всяких нечистот? Годится ли эта храмина гнилая служить украшением для светлого чертога Божия?... Что за христианин, когда не видно на нем ни золота любви, ни серебра надежды, ни драгоценного камня веры, а весь обременен только дровами, сеном и тростием грехов и страстей? Золото, серебро и драгоценные камни горят и сияют в обителях небесных, а дрова, сено и солома — куда годятся?... Куда, как не в

жертву пламени гееннскому?... И многочисленные опыты показали, что люди, которые живут в крайней беспечности о своем спасении, не думая ни о Боге, ни о тяжести грехов своих, ни об ответственности за грехи, — и умирают большею частью или с неполным покаянием, или даже вовсе без покаяния. Те же опыты показывают, что за таких людей, по смерти их, и молитвенников слишком мало. Да иначе и быть не может, ибо кто за усопшего молится? Конечно друзья его и близкие ему. Кто же мог пользоваться дружбой и любовью того, кто так беспечен был о своем спасении, как не люди, подобные ему во всем, люди также крайне рассеянные и равнодушные к своему спасению? А станут ли они молиться о нем? О, им ли молиться за другого, когда и за себя им недосуг открыть уста свои на молитву?...

Итак, горе людям, прожившим свой век в крайней беспечности о своем спасении! Но благо тем, которые жили в вере и покаянии, оставив по смерти своей многих молитвенников за себя! И если вы, плачущие о близких вашему сердцу, если вы потеряли таких людей, которые как жили, так и скончались в вере и покаянии, — то умерьте ваши слезы, молитесь за них и уповайте на милосердие Божие.

Но не здесь еще конец нашим слезам. "Пусть усопшим нашим и хорошо там, — говорят сетующие, — но нам-то здесь без них худо. Мы желали бы с ними вечно жить, желали бы ими вечно утешаться, а между тем, неумолимая смерть оторвала их от нас и оторвала навсегда... Было время, когда и один час разлуки с ними был для нас тяжек, а теперь?... Проходят дни, проходят месяцы, пройдут годы,

пройдут десятки лет, а свиданья с ними все нет и нет... И, Боже мой! Есть ли даже какая-нибудь надежда увидеться нам с ними когда-нибудь? Не потеряны ли они для нас навсегда-навсегда?..." Часто так думают над прахом родных и друзей, и слезы снова струятся из глаз.

Но эти слезы тогда бы только были справедливы, когда бы мы обречены были вечно жить на земле. Но о чем безутешно плакать о разлуке с родными, когда и все мы здесь не вечны? Пройдет несколько лет, а может быть даже несколько месяцев или даже несколько дней, и нас Господь позовет туда же, куда и их позвал. И тогда-то ничто уже нас не разлучит с ними, тогда-то вечно с ними будем мы... А велики ли наши годы в сравнении с вечностью? О, пред нею и тысяча наших лет, как день один!... Но кто же, скажут нам, кто поручится, что за гробом мы будем иметь свидание с близкими и родными? Есть порука, и порука верная! Это непреложное слово Божие.

Раскройте, например, книгу пророка Исаяи. Там пророк, описав судьбу Вавилонского царя, говорит, что души, находившиеся в аду, увидев среди себя этого гордого владыку, (который мечтал на небо взойти и поставить престол свой выше звезд небесных и быть подобным Вышнему), изумились и восклицали: "И ты пленен еси, якоже и мы; и в нас вменен еси. Сниде слава твоя во ад, многое веселие твое; под тобой постелют гнилость и покров твой червь" и пр. Итак, там и грешники видятся с грешниками. Раскройте книгу Бытия и там прочитайте слова патриарха Иакова: "сниду к сыну моему сетуя

во ад." Так говорил Иаков в скорби при вести, что сын его Иосиф растерзан зверями, говорил в то время, когда все дети старались утешить его. Итак, и праведный Иаков надеялся на свидание с сыном своим за гробом. Раскройте книгу Царств, и там найдете, что св. царь и пророк Давид горько плакал, когда сын его от жены Урииной сделался болен; а когда скончался, Давид сказал: "Ныне умре... Еда возмогу возвратити е ктому? Аз имам идти к нему; той же не возвратится ко мне." Итак, и Давид надеялся видеться с сыном своим за гробом. Раскройте св. Евангелие и прочитайте там притчу о богатом и Лазаре. Здесь говорится, что богач, который всю жизнь свою одевался в порфиру и виссон, и каждый день веселился, а на бедного Лазаря, лежавшего у ворот дома его и покрытого струпами, и взглянуть не хотел, — по смерти своей снисшел во ад, и хотя между ним и Авраамом и Лазарем пропасть велика утвердися, так что и перейти ему к ним было нельзя, — однако же и этот грешник мог там, хоть и издали, видеть праведных Авраама и Лазаря, и не только видеть, но и беседовать с ними. Итак, там за гробом даже величайшие грешники могут не только видеться, но и беседовать с величайшими праведниками. После этого нет уже нужды говорить, что там праведники видятся с праведниками, благочестивые с благочестивыми. "Отче, — молился Сын Божий Отцу Своему, — Отче, их же дал еси Мне, хошу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною." Как же благочестивым не иметь там друг с другом свидания и общения, когда все они там около Спасителя, как дети около отца? Там ли, например, не видеть друг друга тем, которых видел в духе св. Апостол Иоанн около престола Бога вышнего, а число их тмы тем и

тысячи тысяч? Там ли не видеть друг друга св. мученикам, которых видел тот же Апостол там всех вместе под алтарем? И что могло бы быть препятствием к взаимному свиданию и общению за гробом? То ли, что там до всеобщего суда и воскресения обитают одни только души без тел? Но здесь на земле каким образом мы имеем свидание и общение друг с другом? Глаз ли наш, например, собственно видит человека? Не глаз, а душа через глаз. Ухо ли наше перенимает беседу другого? Не ухо, а душа через слуховой орган. Язык ли наш передает мысли другим? Не язык, а душа через язык... Ни глаз, ни ухо, ни язык сами по себе без души не имеют никакого значения: мертвые не видят, не слышат, не говорят, хотя и имеют все нужные для этого орудия. Значит душа, собственно, есть действующая причина, а тело только орудие. И здесь для души это орудие необходимо, потому что она и сама обложена телом, без чего и существовать здесь не может, и действовать должна на душу, обложенную также телом. Но коль скоро этого тела не будет, а останется только одна душа, то что ей может препятствовать прямо и непосредственно действовать на душу! Препятствия никакого нет, а напротив, открывается через то для души легчайший способ действия, так как тело тленное отягощает душу и земное жилище обременяет ум.⁶ Не понятно, скажут, как душа может видеть душу непосредственно? Но все ли для нас бывает понятно и то, что с нами бывает ежедневно, и в чем потому мы не имеем ни малейшего сомнения? Понятно ли для нас, как душа наша через глаз видит другого человека? Еще более, понятно ли для нас, как душа наша может представить себе образ другого человека так, как будто он стоит перед нами, тогда как он в отсутствии, и даже в то время,

когда все орудия наши телесные остаются в бездействии, например, во время сновидений?... Все это мы обыкновенно приписываем силе воображения и тем как будто удовлетворительно решаем вопрос, который все однако же остается неразгаданным.

Ангелы — духи бесплотные, а кто станет утверждать, что они не видят друг друга, хотя мы и не понимаем, как это бывает? Если едва разумеваем, яже на земли, и яже в руках обретаем с трудом, то яже на небесех, кто исследи. Ныне от части разумеваем, — говорит Апостол, — и к чему не приложим наше знание, везде увидим, что это от части. Тело есть как бы зеркало души, и вот мы ныне видим якоже зеркалом в гадании, видим душу человека не иначе, как она проявляется во внешних действиях; а кто видит яже в человеце, точию дух человека живущий в нем? Но, — продолжает Апостол, егда придет совершенное, тогда еже от части упразднится. Видим ныне якоже зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу; ныне разумею от части, тогда же познаю, якоже и познан бых. Вот каково, по словам Апостола, там будет наше знание! Если же так, то и души могут там видеть друг друга несравненно чище и яснее, чем в настоящей жизни человек может знать человека: тогда же познаю, якоже и познан бых.

Итак, то обстоятельство, что там души до всеобщего суда и воскресения обитают без тел, отнюдь не препятствует взаимному их свиданию и общению. Что же еще могло бы препятствовать взаимному свиданию и общению усопших? То ли, что после всеобщего суда и воскресения души усопших опять соединятся с

телом? Но по собственному опыту мы знаем, что это ни мало не может служить к тому препятствием: из нас нет такого бесплотного, а все мы видим друг друга, все можем иметь взаимное общение. Правда тела наши тогда изменятся. Но каково бы ни было это изменение, все, однако же, то же самое тело встанет из гроба, которое положено было в гроб, а не другое какое: Бог даст ему (зерну) тело, — говорит Апостол, — якоже восхощет, и коемуждо семени свое тело, что посеяно, то и вырастет: от пшеницы — пшеница; от плевела — плевел. В чем же будет состоять эта перемена? Апостол говорит, что Господь преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его. Следовательно, каково было тело Иисуса Христа по воскресении, таково или, по крайней мере, подобно ему будет и наше тело после воскресения. Тело Спасителя после воскресения Его было так тонко и духовно, что могло пройти сквозь затворенные двери, и наши тела будут так тонки и духовны, что способны будут носиться по воздуху. На теле Господа остались язвы от гвоздей на руках и рана в ребре. И на наших телах по воскресении останутся признаки, свидетельствующие или о подвигах веры и благочестия, или о неисправимых пороках, так что в теле праведников будут отражаться, при свете благодати Божией, как в зеркале, все добрые дела их, коими угодили они Господу во дни земной жизни, от того они будут светлы и прекрасны, а в теле грешников будут отражаться, как в зеркале, все грехи их, сделанные во время земной жизни и неочищенные покаянием и молитвами Церкви, оттого они будут мрачны и безобразны. Тело Иисуса Христа по воскресении Его так изменилось, что Мария и Апостолы сначала даже не узнали Его, хотя и беседовали

с Ним. Но после, однако же, все они убедились, что это не призрак, не дух, ибо дух плоти и костей не имеет, а Он не только имел и плоть и кости, но и разделял с ними трапезу. Все они нашли в Нем что-то знакомое им и с радостью узнали своего Господа, и даже сам Апостол Фома, говоривший Апостолам, что он дотоле не поверит им в том, будто они видели воскресшего Господа, пока сам не увидит на руках Его ран от гвоздей и не вложит перста своего в раны от гвоздей и не вложит руки своей в ребро Его. Но когда Господь явился и показал ему и руки, и ноги, и ребра Свои, сам Фома с радостью тогда сказал: "Господь мой и Бог мой." И так, как ни изменилось тело Спасителя по воскресении, однако же все видевшие Его находили в Нем многое такое, что прежде видели в Нем и узнавали Его в то время, когда собственные тела их самих еще не были прославлены и не имели никакой перемены, тогда как для созерцания тела прославленного нужны были, без сомнения, и орудия более тонкие и духовные, нежели какие мы теперь имеем и какие они имели тогда. Что же может препятствовать нам по воскресении иметь взаимное свидание и общение, тогда как наши тела и тела всех усопших получают уже свое изменение? Значит, эти слезы наши, слезы о том, что мы, расставшись с близкими, не увидимся с ними никогда, походят на слезы младенца, от которого мать удаляется на некоторое время, а он горько плачет, думая, что она оставляет его навсегда. Нет, приникните ближе к останкам вашего усопшего и с верою припомните утешительное слово Христово: "Вмале, и к тому не видите Мене, и паки вмале, и узрите мя; яко иду ко Отцу. И вы печаль имате ныне: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашае никтоже возьмет от

вас." Дай только Бог, чтобы там, за гробом свидание наше с родными и близкими было радостное, а не печальное. А это будет тогда, когда мы будем молиться за них и за себя. Если усопший наш скончался с верою и покаянием, то будем молиться Господу, чтобы Он простил и все остальные грехи его, и упокоил его в месте светлом и покойном, а между тем будем и сами благоугождать Богу своей жизнью, чтобы Он сподобил и нас мирной, христианской кончины с верою и покаянием. Будем служить и добро творить и ближним, чтобы они по смерти нашей не забывали нас в своих молитвах, и тогда — надежда на радостное свидание с усопшими для нас несомненна.

Все это — общие источники утешения. Но есть еще особенные причины, заставляющие лить слезы на могиле. Их так много, что почти каждый имеет свои причины плакать. Так, различие лет людей усопших исторгает из груди нашей различные вздохи и стоны. Не так горько расставаться с человеком, который сходит во гроб, якоже пшеница созрелая, во время пожатая, не так горько, ибо такой человек уже отжил свой век: за семьдесят или восемьдесят лет, что такое жизнь, как не труд и болезнь? И земля менее бы кропилась слезами, если бы недра ее для них только разверзались. Но сколько умирает детей, которые едва успели взглянуть на свет с радостной улыбкой, — и он для них сокрылся! Зачем они родились? Затем ли только, чтобы причинить матери болезни во время рождения, потом потерпеть самим немало болезней, потом порадовать отца и мать, потом поселить в них сладкую надежду, и, наконец, сладкую надежду сменить горькой слезой?... Сколько людей умирает в нежной юности,

которые, подобно цветку, только что начали распускаться и благоухать и под влиянием хладной смерти должны вдруг засохнуть и завянуть! Для того ли они расцветали, чтобы не принести никакого плода?... В подобных случаях люди нередко дерзают роптать на самое Провидение, которое, по их расчетам, неблагоприятно отнимает у них лучшие сокровища. Ропщут часто и на самих себя, укоряя за то, что не могли предпринять заранее всех мер для спасения близких. Не щадят упреков иногда и для врачей, которые пользовали усопшего и не могли спасти его от смерти. Но этот ропот недостойн человека. Эти слезы преступны. Эти вздохи ненавидит Бог. Вы ропщете на Провидение за то, будто оно так неблагоприятно потребовало от вас жертвы. Неблагоприятно?... Что вы!... Только у нас на земле то или другое бывает не в пору, не вовремя. На небе — не так! Там нет слов "рано" или "поздно", там всему свое время!

Часто смерть похищает невинных детей. Но вы знаете, что им принадлежит царствие Божие, и, между тем, плачете, что они так рано отходят от вас к Отцу Небесному, не испытав горестей земной жизни, и считаете исход их неблагоприятным... Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?... Знаю, что в ваших слезах не та блестит мысль, что они отходят от вас к Отцу Небесному; нет, ваши слезы о том, что вы теряете в них ваши светлые надежды на ваше счастье, теряете будущих друзей и хранителей вашей старости. О, надежды, надежды! Если бы всегда сбывались вы! Но скажите, кто поручится, что дети ваши, если бы жили долее, всегда доставляли бы вам одни только радости и утешение? Кто знает? Может быть с

годами они познакомились бы с обычаями света, противными христианству, и тогда не были бы столь любезными для Отца Небесного детьми, как теперь. Может быть с годами остыл бы в них и к вам жар детской любви и они не были бы столь милыми для вас чадами, как теперь. Может быть... но чего бы не могло быть с ними в течение жизни?... А теперь они чистыми, невинными, как ангелы, отошли от вас к Отцу Небесному, а вы все еще плачете, называя исход их от вас неблагоприятным. Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?...

И если бы оплакиваемый вами младенец мог сказать вам в утешение, он, мне кажется, сказал бы вот что: "Аще бысте убо любили мя, возрадовалися бысте убо, яко ко Отцу иду", иду не к чужим, а к своим, иду к Отцу моему и Отцу вашему: Он ли не заменит вас там для меня?... Что сказано о младенцах, — то же почти должно сказать и о возрасте юношеском. Если Бог берет к Себе юношей, то, видно, берет их благовременно: видно, они довольно созрели уже для вечности, и Господь берет их, да не злоба изменит разум их, или лесь прельстит душу их³; а если еще и не дозрели, то они еще несравненно хуже были бы для неба, если бы долее оставались на земле. И вообще, где назначить предел жизни для людей, любезных сердцу? Только холодный рассудок наш решает иногда, и то нерешительно, кого смерть похищает вовремя, кого не вовремя, а бедное сердце наше не знает расчетов рассудка: лишь бы только любезен был для него человек, похищенный смертью, — оно одинаково скорбит и плачет о нем, на заре ли дней своих, в полдень

ли жизни или на самом закате он оставил свет... Нет, страшно роптать на Провидение, но бесполезно роптать и на самих себя.

Ропщем мы иногда на себя за то, что не предприняли всех мер к спасению близкого. Но кто может предвидеть все предохранительные меры? И надобно быть уверенным, что, если бы только Господу угодно было продлить дни нашего близкого, Он внушил бы нам эти меры, и мы воспользовались бы ими. Но если это Ему не угодно, то хотя бы весь мир пришел к вам на помощь — все было бы без пользы. Припомните, не подвергался ли и прежде близкий ваш, теперь усопший, болезням и опасностям, и Господь спасал его, хотя, может быть, с вашей стороны еще менее предпринято было средств к сохранению его, нежели сколько употребили для него в то время, когда лишились его?... Что делать? Жизнь есть дар Божий, который мы и по внушению Божию, и по внушению собственной природы должны всемерно хранить и беречь. Но смерть не страшится никакой нашей предусмотрительности и часто направляет жало свое на свою добычу с той стороны, откуда мы вовсе не ожидаем. Что делать?... Смерть — безжалостный скелет, без сердца, без души.

Напрасно ропщем мы и на врачей, пользовавших нашего близкого. Скажите, есть ли врачи и есть ли лекарства против смерти? Среди ли богатства и роскоши, в великолепных чертогах не нашлось бы врачей, самых умных и опытных, там ли не достало бы у них и знания, и усердия к своему делу? Но, увы!... И там, как часто искусство самых опытных и усердных врачей исчезает перед силою

смерти!... Врачи — орудия Того, Кто есть воздвизаяй душу, и просвещаяй очи, исцеление даая, живот и благословение. И если бы Врачу Небесному угодно было продлить дни вашего близкого, Он верно положил бы на сердце врача земного то, что нужно было употребить для спасения больного. А когда Он не положил сего, значит не на радость была бы жизнь усопшего, если бы она еще продлилась на земле.

Вообще люди — то же в мире, что пшеница в поле. Земледелец знает, когда время и когда не время снять пшеницу, а мы все, плачущие о наших близких усопших, походим на детей, которые судят и рядят о том, зачем земледелец так рано или так поздно пожинает пшеницу на поле. Но что было бы с пшеницею, если бы она пожиналась не по расчетам опытного земледельца, а по распоряжению неопытных судей? Что было бы и с нами, если бы смерть пожинала нас по нашему недалновидному распоряжению, а не по воле и власти Того, в деснице Которого и живот и смерть?

Особенную причину плакать имеют люди, которые в усопших лишаются отцов, матерей и вообще благодетелей. С потерей таких людей часто они в будущем ничего не видят и ничего не хотят видеть, кроме предстоящих им нужд и лишений, кроме горького, беспомощного сиротства. "Что-то с нами будет, — взывают они в горести сердца, — что-то с нами будет?! От нас взято все и нам не осталось ничего... Бедные мы сироты! Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..."

"Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..." Бог — сиротам Отец. Итак, всю печаль вашу возверзите Нань, яко Той печется о вас. Он семью хлебами напитал несколько тысяч человек, и целые сорок лет питал израильтян в пустыне манною. Для вас ли одних не достанет у Него хлеба? Он сорок лет одевал израильтян в пустыне, где ничего нельзя было приобрести и целые тысячелетия одевает даже лилию полевую, и притом так роскошно, что и Соломон так не облакался, как каждая из них. Для вас ли одних не достанет у Него одежды?

"Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..." А кто доселе питал вас, кто согревал и покоил? Отец, говорите, мать, благодетель — но их уже нет... Так, но своей ли силой они питали и покоили вас? Нет! Их рукой действовал Сам Отец Небесный, Которому принадлежит земля и исполнение ея, вселенная, и вси живущии на ней. Он один Податель и Творец всех даров, которые доселе вы от них получали; а они были только орудия, через которые Он подавал вам. И если Ему угодно было взять к Себе эти орудия, то мудрено ли для Премудрого, и трудно ли для Всемогущего найти для Себя и для вас другие орудия, через которые Он будет продолжать изливать на вас Свои милости? Не часто ли случается слышать: такой-то сирота принят в такое-то благотворительное заведение; а того принял на воспитание такой-то благотворитель; а для таких-то сирот заменила нежную, попечительную мать такая-то сродница их?... Скажите сами: кто так устраивает сирот, кто внушает

благодетелям такую заботу о них? Не Тот ли, Кто лишил их отца и матери? Св. Давид и в молодости, и в старости не видал примера, чтобы праведник оставлен был и чтобы дети его просили хлеба.¹ И сколько в мире есть великих людей, которые на заре дней своих осиротели, и сколько, напротив, обыкновенных и даже мелких из тех, которые никогда не отрывались от объятий родительских?

"Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..." А почему же не позаботиться и не подумать о вас тем, которые доселе о вас так горячо заботились и которых так горячо теперь вы оплакиваете? Но их уже нет, возражаете вы; они умерли... Так, умерли. Но разве умерла в них душа, которая, собственно, и заботилась о вас. Разве умерло в них сердце, которое пламенело к вам любовью и желанием вам всякого добра? О, нет! Они теперь и живут, собственно, умом и сердцем. И что же бы могло быть препятствием к тому, чтобы заботиться им о вас по-прежнему и любить вас по-старому? Забывает ли отец детей своих в то время, когда по каким-нибудь обстоятельствам отлучается от них? О, нет! Его сердце там болит о них еще более, нежели прежде, когда они были у него всегда перед глазами!... Не то же ли, в некоторой мере, бывает и с отшедшими от нас родителями и благодетелями нашими?

Раскройте св. Евангелие и прочитайте там притчу о богатом и Лазаре. Богач, будучи в муках, просил Авраама послать вестника на землю. "У меня, — говорил он, — пять братьев. Пусть он предостережет их, чтобы и им не подвергнуться тем страшным

мучениям, какие я испытываю." А, кажется, ему ли было думать о судьбе братьев своих? До братьев ли, когда он сам мучился во пламени и не мог упросить Авраама, чтобы он омочил конец перста своего в воде и прохладил ему язык? И, однако, несмотря на тяжесть мучений своих, несмотря на жгучесть нестерпимого пламени адского, его сердце все еще пламенеет любовью к братьям своим. Он заботится об их участи, он ходатайствует за них... И замечательно: когда он просил себе милости, Авраам сделал решительный отказ — знак, что там нет места покаянию и нет места ходатайству за себя — но когда он просил милости для братьев своих, Авраам не сделал ему прямого отказа, а только сказал ему, что братья его так упорны и жесточены, что и самое посольство к ним было бы для них без пользы. Когда св. благоверный князь Александр Невский имел упорную войну со шведами, в то время видели на легкой ладье лучезарных витязей, похожих на св. мучеников Бориса и Глеба, из которых один сказал другому: "Поможем родственнику нашему Александру." И шведы, при их содействии, вскоре пали к ногам Александра. В наши дни, когда иеромонах Аникита, в мире князь Сергей Шахматов, услышав о болезни благочестивой матери своей, отправился к ней, чтобы проститься с нею и получить от нее благословение на вступление в монашество, но, застав ее уже бездыханною, горько плакал о том, что не успел получить от нее благословения — благочестивая мать слышала его вопли и не замедлила отереть его слезы. Во время легкой дремоты она явилась к нему со светлым лицом и сказала: "Благословить много, а позволить можно." Один архиепископ А.В., жестоко страдавший

меланхолическими припадками, усердно просил у Бога себе помощи, и раз во время вечерней молитвы заметил, что в передних его комнатах разлился свет, который, постепенно усиливаясь, наконец окружил его самого. Тут же увидел он какую-то женщину и, всмотревшись в нее, узнал, что это была покойная мать его. "Зачем ты так горько плачешь, чадо, — сказала она, — и понимаешь ли, чего просишь у Господа? Для Господа не трудно исполнить твое прошение, но знаешь ли, чего ты через это лишаешь себя?... Ты и сам не знаешь, чего себе просишь." И дав ему несколько наставлений, сделалась невидима. А вот еще какое, не упомяну где, описано обстоятельство. Действительный тайный советник князь Владимир Сергеевич Долгорукий, находясь в звании посланника при Русском дворе в царствование Фридриха, заразился там вольномыслием. Узнав об этом, родной брат его, князь Петр Сергеевич, не раз писал к нему письма, в которых уверял его, что он в заблуждении, что без истинной веры нет на земле счастья, что вера существенно необходима для будущей жизни и пр. Но все было напрасно: читая беспрестанно Вольтера, Дидерота, Даламберта, князь Владимир Сергеевич смеялся над убеждениями набожного брата. Однажды он, возвратясь от короля и чувствуя сильную усталость, разделся наскоро, бросился в постель и скоро задремал. Вдруг слышит он — кто-то одергивает его занавес, приближается к нему, и хладная рука прикасается к его руке, даже жмет ее. Он смотрит, видит брата и слышит от него: "Верь!" Обрадованный неожиданным явлением, Долгорукий хочет броситься в объятия брата и друга, но вдруг видение исчезает. Он спрашивает у слуг, куда девался брат, и услышав от них, что никакой брат к нему не

являлся, старается уверить себя, что это сон, мечта, но слово "верь" не перестает раздаваться в ушах его и не дает ему покоя. Он записал число, час и минуту видения, и вскоре получил известие, что в этот самый день, час и минуту скончался брат его, князь Петр Сергеевич. С тех пор он сделался набожным и верующим христианином, и об этом видении часто говаривал другим.

Владимир Энгельгард перед отправлением из Москвы в Архангельск по делам службы, 5 февраля 1858 г., письмом просил мать свою, жившую в Петербурге, благословить его на далекий путь. Отправившись в дорогу, он остановился для ночлега на одной станции и тут, лежа на диване, увидел перед собою наяву, 13 февраля в 3 часа утра, мать свою с его сестрою, скончавшейся еще в 1846 году. Мать благословила его крестным знаменем. Пораженный этим видением, он зажег свечу, чтобы яснее рассмотреть явившихся, но явившиеся внезапно стали невидимы. Впоследствии он узнал, что в это самое утро мать его скончалась в Петербурге.³ В Бозе почившему московскому митрополиту Филарету (19 ноября 1867 г.) за два месяца до его кончины было необычайное извещение в Сергиевой Лавре о близком отшествии его в вечность. Именно утром 17 сентября 1867 г. он сказал наместнику Лавры, архимандриту Антонию: "Мне явился родитель мой и сказал — береги девятнадцатое число." Наместник позволил себе заметить: "Владыко святой! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Притом, как же можно обращать внимание на такое неопределенное указание? Ведь девятнадцатых чисел в каждом году бывает двенадцать." Но владыка

с уверенностью ему сказал: "Не сон я видел и потому думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться св. таин." И действительно он причащался 19 сентября, 19 октября и 19 ноября — в день своей кончины. Так занимает усопших на небе наша участь на земле! Есть еще обстоятельство, которое особенно заставляет лить слезы над прахом усопших. Часто мы бываем несправедливы к живым, часто делаем им оскорбления, и иногда не сознаем себя виновными в том, а сознаемся уже после их смерти. И вот это-то горькое сознание, как камень и давит нашу грудь. Но что сделано, того слезами не возратить. Лучше вот что взять при этом во внимание: оскорбления вообще неизбежны для слабости человеческой, и они, конечно, продолжались бы, если бы усопший снова восстал и снова начал жить между нами. Если же они уже сделаны, то вместо бесполезных вздохов и слез, лучше усилить молитву свою за усопшего, и это послужит ему отрадою. Он забудет оскорбление, а будет помнить одно только наше добро. После него остались, может быть, дети, сродники и другие любимцы его сердца. В них остается еще он существовать на земле. Итак, пусть они вместо него сделаются предметом нашей любви, наших неусыпных забот и благотворений — и его сердце будет спокойно, и нашей душе будет отраднее.

И вообще, какие бы ни были причины наших слез, всегда надо помнить, что плакали в свое время и наши усопшие о потере своих близких, но потом слезы их уменьшились, и вот, наконец, уже и сами они сделались предметом наших слез. Закон неизменен: род приходит

и род переходит. Не на вечность и нам достались в удел слезы: время умерит, а смерть и совсем иссушит их. Надо помнить, что особенно тяжело для сердца переносить такие потери, которые с другими или вовсе не случаются, или случаются слишком редко. В таком случае мы смотрим на себя как бы на отверженных счастьем, как бы на забытых Богом.

Но потери близких сердцу совсем другого рода. Их испытывают все, хотя не всегда в одно время — сегодня один, завтра другой, там третий и т.д. Это общая доля для каждого — для бедных и богатых, для знатных и незнатных. Вы плачете о своих, другие плачут о своих. Вам тяжело и им нелегко. Не преувеличивайте же в ваших мыслях и словах вашего несчастья и не забываетесь в вашей горе до дерзкого ропота на свою судьбу и на Бога.

Надо помнить, что все эти потери составляют для нас крест, который только тогда для нас может быть полезен и спасителен, когда мы несем его безропотно. В самом деле, слезами не возратить того, что взято, а между тем, что пользы от наших слез для нас самих? Давно, давно уже замечено, что печаль мужу вредит сердце, что мужу печальну засышут кости, что от печали смерть бывает и печаль сердечная слячет сердце, и что многи даже погуби печаль и потому несть пользы в ней. Приятны ли наши слезы Богу? Скажите, нравятся ли отцу или матери вопли дитяти, когда они отнимают у него то, что следует отнять, а оно, не понимая и не желая даже понять того, что эта вещь, отнятая у него, не только не годится, но даже может быть

вредна для него, и не слушая ни убеждений, ни угроз, продолжает горько плакать и кричать? Такое дитя сами они называют капризным и своенравным, которому, потому, не только не возвращают того, что служит предметом его слез, но часто отказывают ему за то и в тех удовольствиях, которые позволили бы ему, если бы оно было во всем послушно им и покорно.

И наши слезы как часто походят на слезы капризных и своенравных детей! Судите же сами — могут ли потому они быть приятными Богу? Приятны ли они, по крайней мере, для усопших? Приятна для них эта горячая любовь к ним, которая заставляет нас лить слезы о них; но приятно ли для них то, что мы, в этом случае, так мало выражаем доверия и покорности Промыслу Божию! Приятно ли для них то, что мы, любимые ими, произвольно сами себя через то так сильно сокрушаем и изнуряем? Приятно ли для них, наконец, то, что наши обильные слезы мешают нам и молиться о них, тогда как для них нужна молитва, а не слезы наши?... Они все это знают, все это чувствуют и наша земная печаль как бы невольно печалит и их сердца. Совсем не то бывает, когда мы, отдав необходимую дань природе, стараемся умерять наши слезы. Нет нужды говорить, что мы в таком случае и сами себя чувствуем лучше, не убивая себя излишнею скорбью, и способны бываем к продолжению своих занятий по-прежнему. Нет нужды говорить, что тогда и усопшим нашим бывает приятнее: они видят, что хотя мы и любим их, но любим и Отца Небесного, Которому предаемся с детскою покорностью и Которому молимся о них с сердечным участием.

И Сам Бог за твердое, безропотное перенесение нами утраты не оставит нас Своею милостию. Вспомните Авраама. Бог требует от него в жертву Себе сына его Исаака. Авраам — нежный отец. Исаак — любимый сын его. Чувства нежного отца к любимому сыну кому неизвестны?... И, однако же, Авраам решается беспрекословно исполнить волю Божию — и вот, юный сын со связкою дров за плечами, а престарелый отец с жертвенным ножом в руке и с родительской печалью в сердце, идут на вершину горы. Вот разложены уже дрова. Вот сам отец возлагает на них любезного сына своего. Вот берется, наконец, за жертвенный нож, чтобы заклать им невинного агнца, но вдруг раздается с неба голос: "Не поднимай руки на отрока... Я знаю, что ты боишься Бога, когда и возлюбленного сына своего не пожалел для Меня. Я, благословляя, благословлю тебя, и благословятся в семени твоём все народы земные." И вместо сына приносится во всеожжение Богу овен, увязший рогами в кустах. Нам Бог не возвращает жертв, которых от нас требует, как Аврааму, но если и мы с твердостью души, с покорностью Промыслу Божию, подобно Аврааму, отдаем ему от себя жертвы, Он и нам ниспошлет Свое благословение: благословляя, благословлю тя, и наградит нас за наше терпение здесь и там так, как мы и ожидать не могли: Он всегда один и тот же. Он всегда любя есть, всегда Отец щедрот и Бог всякия утехи, утешая нас о всякой скорби нашей. Надо, наконец, помнить, что все наши усопшие пролагают для нас, живых, путь туда, куда идти страшно для всех, и что Сам Бог, отнимая у нас любезных для нашего сердца, заблаговременно приготавливает нас к тому, чтобы мы

не слишком были привязаны к земной нашей жизни, чтобы не думали всегда о земле, а подумали иногда и о небе. В самом деле, как мы смотрим на землю, куда скрывается прах усопших, и на небо, куда взлетает их душа, дотоле, пока не испытываем потерь, близких сердцу? Мы смотрим на кладбище с каким-то страхом; эта земля обдаёт нас каким-то холодом и только... Вот впечатления при посещении кладбища! А небо?!... Оно представляется нам чем-то таинственным и как бы чуждым для нас.

Совсем иначе представляем мы небо и землю с той минуты, которая разлучит нас с любимцем сердца. Вы лишились, например, отца, или матери, или супруги и вы уже как бы сродняетесь с землею. Ибо как не сродниться с нею, когда в ней сокрыта уже часть вашей крови, как не сблизиться, когда в недрах ее часть, так сказать, вашего тела и часть ваших костей превратилась уже в прах?...И вам не страшна уже эта мрачная, холодная могила. И вам уже не тяжело будет лечь в свое время подле нее; там прах ваш поместится близ родственного вам праха; там кости ваши смешаются с костями ближних ваших...

Иной тогда взгляд у нас и на небо. Оно становится для нас ясным и родным; оно делается чаще предметом наших дум, желаний и надежд. Лишившись близкого сердцу, вы чувствуете, что как бы часть духовного существа вашего уже там. Вы верите, что близкий ваш уже ждет вас там к себе с нетерпением, и, когда ударит ваш час, вам уже не так страшно будет перейти туда. Вы там не будете

одиноким, неприютным сиротою; там есть кому встретить вас, обласкать и утешить... Там друг ваш, там ваш родной!...

Понятно, что все подобные размышления не могут еще осушить наших слез, но где человеческая помощь оказывается слабою, там является к нам на помощь Сам Господь со Своею благодатью. Только нам стоит обратиться к Нему с горячей молитвою, чтобы Он усладил нашу горесть, и Он, милосердный, не замедлит услышать вопль нашего сердца. Он сам прослезился над прахом друга своего Лазаря. Ему ли, потому, не знать, как тяжка для сердца разлука с близким, и как нужно для нас здесь утешение?... Он столько нас любит, сколько мать не может любить детей своих! Любит нас более, чем мы любим себя! Кто же, как не Он, может более и подать нам утешения? Он премудр и всемогущ, мудрено ли потому и трудно ли для Него доставить нам такое утешение, какого мы и вообразить не могли?... И разлучив нас с близким сердцу, Он как бы говорит каждому из нас: "Смотри, как непрочны все земные! Вот был у тебя друг, с которым ты привык делить и горе, и радость, которого жизнью ты жил доселе и надеялся жить долго. И вот и этот искренний друг твой тебя оставил. Еще остаются у тебя друзья земные, но сколько они ни стараются утешить тебя — участие их не утешает, а иногда еще более растравляет раны твоего сердца. А придет пора и они тебя оставят со своими утешениями, или потому, что не так горячи будут к тебе или потому, что сами будут иметь нужду в утешении, и тогда ты останешься один с горестью в сердце. Так-то непрочны, так ненадежно все земное!... Перестань же напрасно искать для себя

утешения на одной земле; устремил лучше молитвенный взор свой на небо и проси оттуда себе утешения. Там Я, твой друг всегдашний, если только ты не захочешь быть врагом Моим. Я слышу вздохи твои, вижу слезы твои и всегда готов помочь тебе, только жду, когда ты скажешь: Господи! Помоги мне!... Все друзья твои не всегда с тобою, а Я с тобою всегда и везде: бодрствуешь ли — с тобою; почиваешь ли — с тобою; плачешь ли — с тобою; живешь ли — с тобою; умрешь ли — с тобою..."

Но к молитве к Спасителю кто откажется присоединить молитву и к Пречистой Его Матери, небесной заступнице всех скорбящих? Не Она ли стояла при кресте распятого сына своего, не ее ли душу проходило в то время оружие, предсказанное ей праведным Симеоном? Кому же, как не ей, особенно понятны все вздохи нашего сердца, которые вылетают из груди нашей при разлуке с близкими?... А чье ходатайство за нас недостойных, обремененных печалью, сильнее на небе ходатайства Матери Божией? И чего возлюбленный Сын не сделает по молитве и ходатайству возлюбленной Матери?

А и все угодники Божии никогда, никогда не откажутся от ходатайства за нас перед Господом, чтобы Он, Всесильный, сократил наши вздохи, отер наши слезы... Они ведь старшие братья наши и любят нас более, чем мы любим их. Они некогда были такими же людьми на земле, как и мы, облеченные плотью; чувствовали всю цену и важность родственных и дружеских отношений, чувствовали и всю тяжесть, какая давит сердце при разрыве этих отношений. Мало

ли плакал св. Григорий над прахом брата своего Кесария? Мало ли пролил слез св. Амвросий Медиоланский над гробом брата своего Сатира?... Они ли, потому, откажутся от ходатайственного участия в нашей скорби, если только мы с полной верою и усердием обратимся к ним за помощью?... Вот сколько у нас утешителей на небе!

Но, предаваясь подобным размышлениям и сопровождая их горячею молитвою, отнюдь не должны мы предаваться праздности. Праздность никогда не доведет до добра, а в подобных случаях она открывает обширное поприще для горького раздумья, — а отсюда один шаг, — и гибельное отчаяние. Нет: если когда мы теряем друга или благодетеля, то в то именно время, мы должны усилить свою деятельность. Прежде, когда у нас был человек, который делил с нами труды и заботы, мы могли еще позволить себе более свободы и более беспечности, в той надежде, что если не мы, то друг наш позаботится окончить то, что мы не успели совершить. Теперь — дело другое! Теперь мы одни должны взять на себя то, что прежде лежало на нас обоих. Тут ли место праздности?... И что, если от нашей недеятельности дела наши придут в расстройство? Тогда к прежнему горю — новое горе, к прежним слезам — новые слезы!... Нет, с полной верою и живым упованием на Промысел Божий, содействующий всякому доброму начинанию, продолжим, и еще с большим усердием, те наши занятия, какие угодно было Господу назначить нам. И тогда, при помощи Божией, дела наши пойдут тем же, или еще лучшим порядком, каким шли и прежде, а между тем, эта непрерывная деятельность наша не даст места горькому,

бесполезному раздумью. В трудах и время, хоть и тяжкое, незаметно течет. В трудах и скорбь сердечная незаметно слабеет...

Вот все, что могло высказать сердце того, кому Господь судил иметь немало потерь, и потерь очень близких сердцу, кто искал утешения в скорби своей и находил его только в этих и подобных христианских размышлениях, и по влечению сердца, и по долгу звания своего желал бы поделиться отрадными для него мыслями и чувствованиями со всеми, кому только мысли его и чувствования могут быть близки!... "Господь утешает нас во всякой скорби нашей для того, — говорит Апостол, — яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби утешением, им же утешаемся сами от Бога.¹" Прочитав эту книжицу, скорбящая душа христианская, помяни в святых молитвах своих, вместе с близкими сердцу твоему усопшими, и написавшего ее в твое утешение преосвященного епископа Гермогена, почившего о Господе 17-го августа 1893 года:

"Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная!"...

СКОРБЬ МУЖА НА МОГИЛЕ ЖЕНЫ

* * *

Стонет сердце, замирает,
Слезы просятся из глаз;
Скука душу раздирает
Каждый день и каждый час!...
Чем я грусть свою рассею,
Чем я горю помогу?...
Сирота — я!... Что затею,
И придумать не могу...
Не поверишь, друг мой милый,
Что за крест лежит на мне!
Днем, как тень брожу унылый;
Нет отрады и во сне.
Ах!... невольно плачут очи,
Ах!... мне сродно горевать...
Ах!... мне ль, горькому, в час ночи
Сном спокойным засыпать?...
Да, мой друг, твоя могила
Сколько горя принесла,
Сколько бед мне причинила,
Сколько вздохов извлекла!...
Тяжко мне!... Как блеск зарницы,
Ты сверкнула в жизни сей,
Пала, как слеза с ресницы,
Ты, душа души моей...
Весь истерзанный тоскою,

То по кладбищу брожу,
То с поникшей головою
На приют твой здесь гляжу.
Средь могильного безмолвья,
Средь березок и крестов,
У твоего изголовья
Говорю я, — но без слов:
Нем язык для выраженья
Горьких дум моих, скорбей;
Сил упадок; дух в смущеньи,
Словно — ад в душе моей!...
Все потеряно с тобою,
Нет отрады мне ни в чем;
Нет минуты мне покою...
Повернулось все вверх дном!...
Кто ж смягчит души тревогу?...
Добрый ангел мой, прости!...
За меня молись ты Богу,
Чтоб я мог мой крест нести...

УТЕШЕНИЕ ИЗ МОГИЛЫ.

* * *

Что ты стонешь так ужасно,
Что вздыхаешь каждый час?

Твои слезы, верь, напрасно
Льются здесь из твоих глаз.
Можно ль плакать, что я скоро
В горний перешла чертог,
Что преплыв житейско море,
Я пристала там, где Бог!
Где бессмертие вкушают,
Светит где небесный свет,
Где покой не нарушают
Ни болезнь, ни дряхлость лет?
Ведь не первую сразила
Смерть меня своей косой:
Миллионы уложила
Спать сном смерти под землей.
Что ж слезам без меры литься,
Тяжкой скорбью грудь давить?
Каждый с жизнью простится,
Путь сей каждому лежит...
Мы одно с тобою были
По душе, любви, делам;
Но чтоб вместе смерть вкусили,
Не угодно небесам.
Юн ты, — я тебя юнее...
Но уж так судил нам Бог,
Чтоб я прежде и скорее
Отошла в Его чертог.

Отошла, но будь уверен,
Что я все еще с тобой,
Что я — та же, друг твой верен,
Хоть живу в стране другой.
Слышу вопли твои, стоны,
Вижу, как ты, друг, грустишь,
Как ты часто пред иконой
Слезы горькие струишь...
Но ты Бога раздражаешь,
Коль с отчаяньем грустишь:
Как ни плачешь, ни вздыхаешь,
А меня не возвратишь.
Все — Его святая воля!
Он — премудрый наш Отец!
Как ни горька твоя доля,
А всему придет конец...
Да, мой друг, среди ненастья
Ты будь бодр, не унывай:
На земле нигде нет счастья,
Здесь не ад, но и не рай.
Все кропится здесь слезами,
Скорбь — всем близкая родня,
И меж счастья цветами
Грусть таится, как змея...
Крест нам небо отверзает,
Крест блаженство нам дает;

Кто слезами засеваает,
Тот с улыбкою пожнет.
Пусть слеза на гроб катится,
Пусть любовь в слезе блестит;
Пусть кадило здесь курится,
К небу пусть мольба летит.
Только слезы пусть невинны
Увлажняют, друг, твой взор,
Чтобы в них не были видны
К небу ропот иль укор...
Пусть мольба в слезе сияет,
Пусть любовь ее струит,
Пусть на небо проникает,
Пусть надежда в ней блестит.
О, как дух мой веселится,
Сладко как моим костям,
Над могилой коль курится
Мольбы чистый фимиам!
Так молись же, друг, и помни,
Что есть Бог, есть мир другой,
Где ты завтра иль сегодня
Можешь встретиться со мной...

«ДУШЕВНЫЙ ЛЕКАРЬ» О СМЕРТИ

ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ?

Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть.

(Прем. 2, 23-24).

Когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный.

(2 Кор. 5, 1).

Родится человек на смерть, а умрет на живот.

Русская пословица.

Смерти не следует бояться, ибо она есть бессмертие.

Преподобный Антоний Великий (251-355).

Любовь Божия даровала нам жизнь, никогда не прекращающуюся, и временная смерть прерывает ее только ненадолго.

Преподобный Ефрем Сирий (IV век).

Что капля в сравнении с беспредельной пучиной, то настоящая жизнь в сравнении с будущим.

Святитель Иоанн Златоуст († 407).

Что отшедшие живы, только другою жизнью, живут сознательно, пребывают в общении между собою по тамошним условиям и порядкам и на нас посматривают и к нам приходят, слышат наши молитвы о них и о нас молятся, и делают нам внушения (все по тамошним законам и порядкам, а не как вздумается) – это должно считать положительно верным, хотя ничего определенного по всем этим пунктам сказать нельзя.

Перед смертью душа и тело отдают человеку то, что он полагал в них в продолжение жизни.

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815-1894).

По исходе отсюда никому нельзя уже преуспеть: что здесь посеешь, то там и пожнешь. Здесь – делание, там – воздаяние, здесь – подвиг, там – венцы.

Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн (VI век).

Страшная истина. Нераскаянные грешники после смерти теряют всякую возможность измениться к лучшему и, значит, неизменно остаются преданными вечным мучениям.

Св. праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908).

Гроб прежде был страшен, а как полежа́л во гробе Христос – он стал Чертогом Царским; скорби и болезни были страшны и безотрадны, а как вечная Любовь испила до дна чашу скорбей и самую даже тяжкую чашу смерти, тогда болезни и скорби засияли паче сапфира и злата, паче звезд небесных, паче луны и солнца. Потому что ими украшался Сам Бог богов, Сам Царь царей.

Преподобный Анатолий Оптинский (Зерцалов) (1824-1894).

Отшествие Пресвятой Девы убеждает христианина в том, что и для него смерть должна быть предметом не страха и отчаяния, а величайшей радости и светлейшей надежды, ибо она есть всего лишь сон – более или менее продолжительный, за которым последует радостное пробуждение в новом прославленном теле для блаженной жизни на небе.

Мать Божия, вкусившая смерть, нас в этом особенно уверяет потому, что если бы в смерти и по искуплении нас Господом Иисусом Христом было что-то неестественное, злое и страшное, то кто другой, а Пресвятая Дева не оказалась бы подвергнута Господом этому злу; но Она умирает, отдавая таким образом долг природе со всеми земнородными – в отраду и утешение всем нам, имеющим проходить вратами смерти, чтобы мы знали, что смерть для нас неизбежна и что она, в то же время, не является для человека злом. Смерть неизбежна и смерть безвредна – вот две истины, которые мы должны всегда помнить, чтобы достойно приготовить себя к часу кончины и не страшиться его и не трепетать. Смерть была очень страшна для человека до пришествия на землю Христа Спасителя, когда грех – сила ее – царствовал в человеческом роде и не было никаких средств освободиться от него и от смерти. Но после явления Господа на землю, когда Он одержал победу над грехом и смертью, весь ужас ее

исчез, она стала как бы мирным сном, после которого настает радостное утро всеобщего воскресения.

Архимандрит Кирилл (Павлов) (р. в 1919).

КОГДА ЧЕЛОВЕК УМИРАЕТ?

Восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его.

(Прем. 4, 11).

Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва.

(Мк. 4, 29).

Бог души не вынет, сама душа не выйдет.

Русская пословица.

Господь долготерпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность, или же когда не видит никакой надежды на его исправление.

Преподобный Амвросий Оптинский (1812-1891).

То, что мы еще живы, означает, что Господь терпит наши грехи и ожидает нашего исправления, а если кто законно потрудится о спасении, то того берет Господь в то время, когда он становится достойным милости Божией. Ленивых же и нерадивых берет смерть после того, как они перестанут подавать какую-либо надежду на свое спасение.

Преподобный Иосиф Оптинский (1837-1911).

Вообще люди – то же в мире, что пшеница в поле. Земледелец знает, когда время и когда не время снять пшеницу, а мы все, плачущие о наших близких усопших, походим на детей, которые судят и рядят о том, зачем земледелец так рано или так поздно пожинает пшеницу на поле. Но что было бы с пшеницею, если бы она

пожиналась не по расчетам опытного земледельца, а по распоряжению неопытных судей?

Епископ Гермоген (Добронравин) (XIX век).

Бог забирает каждого человека в наиболее подходящий момент его жизни, забирает особым, только для него пригодным образом — так, чтобы спасти его душу. Если Бог видит, что человек станет лучше, Он оставляет его жить. Однако, видя, что человек станет хуже, Он забирает его, чтобы его спасти. А других — тех, что ведут греховную жизнь, но имеют расположение сделать добро, Он забирает к Себе до того, как они успевают это добро сделать. Бог поступает так, потому что знает, что эти люди сделали бы добро, если бы им представилась для этого благоприятная возможность. То есть Бог всё равно что говорит им: «Не трудитесь: хватит и того доброго расположения, которое у вас есть». А кого-то еще — очень хорошего, Бог забирает к Себе, потому что в раю нужны и цветочные бутоны.

Старец Паисий Святогорец (1924-1994).

ПОЧЕМУ МЫ БОИМСЯ СМЕРТИ?

Смерть грешников люта.

(Пс. 33, 22)

Смерть по грехам страшна.

Грех не смех, когда придет смерть.

Русская пословица.

Смерть вошла в человеческий род не по природе, поэтому природа человеческая боится смерти и бежит от нее.

Блаженный Феофилакт Болгарский († ок. 1107).

Страх смертный печалит мужа, осуждаемого своею совестью. А кто имеет в себе доброе свидетельство, тот столько же желает смерти, как и жизни.

Преподобный Исаак Сириин (VII век).

Трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений.

Преподобный Иоанн Лествичник († 649).

Мирские люди бегают помышления и воспоминания о смерти, чтоб не пресекать своих чувственных утех и наслаждений, которые не совместимы с памятию смертною... Зато, когда придет время разлучиться с жизнью и со всеми любимыми вещами и утехами, они непомерно мнутя, мучатся и ужасаются.

Преподобный Никодим Святогорец (1749-1809).

Любовью к преходящей жизни связаны между собою тело и душа; и когда приближается день кончины и разлучения их друг с другом, плачут они друг о друге и просят щедрот и помилования.

Не видишь ли на кончающихся и борющихся со смертью братьях, когда сидим при них, сколько бывает тогда страшного? В каком они стеснении, в каком смятении? Не видишь ли, как воздыхают? Не видывал ли, как покрываются холодным и горьким потом, подобно жнецам на ниве? Как обращают очи туда и сюда? Как иные скрежещут зубами? Как в смятении поражаются ужасом? Как многие рвут на себе волосы? Как вскакивают с одра и хотят бежать, но не могут; видят, чего никогда не видали, слышат от Властей, чего никогда не слыхали, терпят, чего никогда не терпели; ищут избавителя – и нет спасающего...

Преподобный Ефрем Сирий (IV век).

Смерть неестественна человеку, поэтому все её боятся. Но вера в Господа и надежда на милосердие Божие, надежда прейти из тяжелой земной жизни в неизреченное, нескончаемое блаженство может не только ослабить страх, но и радовать человека, как избавляющегося от опасной и воистину страшной в наше время жизни. Надо готовиться к смерти всем и каждый день, хоть немного, размышлять о ней.

Игумен Никон (Воробьев) (1894-1963).

КАК НУЖНО УМИРАТЬ?

*Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя.
(Пс. 32, 22).*

Жил грешно и умер смешно.

Как поживёшь, так и умрёшь.

Что запасешь, то и с собой понесешь.

Бойся жить, а умирать не бойся!

Русские пословицы.

Хотя вся жизнь наша на земле есть непрестанная брань и нам предлежит вести ее до самого конца, но главнейшая и решительнейшая брань ожидает нас в час смерти.

Как всегда, так наипаче в час смерти отнюдь не допускай вниманию своему останавливаться на себе и своем и вдаваться в довольство собой и делами своими, хотя бы ты преуспевал в добродетелях паче всех святых. Но довольство твое все да будет в Боге и уповай всецело на одно милосердие Его и страдания Господа Спасителя.

Если б враг наш, злой, лукавый и упорный, никогда не утомляющийся искушать нас, восхотел в час смерти тебя и соблазнить какими-либо призраками, видениями и преображениями в Ангела светла, ты стой твердо в сознании своей скудости и своего во всем ничтожества.

Преподобный Никодим Святогорец (1749-1809).

Суд Божий гораздо строже суда нашей совести, хотя бы кто и ничего не знал за собою худого с полным удостоверением, как учит премудрый наш Павел, говоря: *я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь* (1 Кор. 4, 3-4). Если же мы не будем достоподобно и об этих (невольных и неведомых) грехах исповедываться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим

Господа, надлежит желать и молиться, чтоб в то время оказаться непричастными никакому страху, ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ее в их зле, как это в них самих есть. Обрадованная же любовью Божиею душа в час разрешения от тела, с Ангелами мира несется выше всех темных полчищ.

Блаженный Диадок Фотикийский (V век).

Будь всегда таким же, каким желаешь быть при кончине.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807-1867).

Надо мысленно на молитве проходить свою жизнь и просить прощения за все сделанные грехи не только делом, но и словом и помышлением. Кающемуся Господь всё прощает, а тогда нечего и смерти бояться.

Господь дает ей подготовиться к будущей жизни, но берет и страх – не возропщет ли она, не будет ли малодушествовать. О, если бы она смирилась, обратилась всем сердцем к Богу, покаялась искренне во всех своих ошибках, причастилась с верой и благоговением Св. Таин! Тогда стала бы смерть для нее радостью, новым рождением, переходом к тем, кто любит ее всей душой, ждет ее, чтобы исполнить ее радостью, совершенной, никогда не кончающейся, какой *не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку.*

Святые Отцы предупреждают, что перед смертью, когда человек ослабевает – враг особенно борет, даже крепко верующих, неверием и безнадежием.

Игумен Никон (Воробьев) (1894-1963).

В предсмертный час враг устрашает также памятью о прежних падениях. Не потому ли при кончине многие исторгают такие вопли: «Не простит меня Господь, вечная мука ожидает меня!» И опять здесь много значит молитва: именно она способна рассеять чувство отчаяния у умирающего. Поэтому счастлив тот, кто сумел стяжать ее в жизни, не страшны таковому ни затвор, ни уединение, ни даже смерть.

Преподобный Герман Зосимовский († 1923).

Когда и на тебя придет общая участь, переноси это, смежив очи, не бесстрастно и не бесчувственно (ибо какая награда за нечувствительность?), но с великим трудом и с тысячами болезней. По крайней мере, переноси как подвижник храбрый, показывающий крепость и мужество не в том одном, что поражает противников, но и в том, что с твердостью терпит их удары; и как кормчий мудрый, по великой опытности в мореплавании ничем не смущаемый, сохраняющий душу свою в положении прямом, непогружаемой и преодолевающей всякую непогоду.

Святитель Василий Великий (330-379).

Если те, кому предстоит быть взятыми отсюда, окажутся причащенными Таинств с чистой совестью, то, когда они умирают, их доносят и возводят отсюда на небо Ангелы, благодаря Причащению.

Святитель Иоанн Златоуст († 407).

Я думаю, вы замечали, как бывает мирен и приятен сон после сердечной вечерней молитвы? Вы ложитесь на постель с необыкновенною внутреннею легкостью и спокойствием всех душевных сил, как праведник, оправданный многомилостивым, щедрым Богом. Утром вы встаете так же легко, с благими мыслями и чувствами. Это, братия, образ блаженного перехода вашей души по вечере вашей жизни в вечность, когда вы, быв напутствованы Святыми Таинствами, в мире с Богом, с людьми и с своей совестью, заснете вечным сном. Вашей душе будет покойно и легко, легко на всю бесконечную вечность, и вы с торжествующим духом встретите утро общего воскресения, после которого владение *уготованного вам от создания мира Царства Небесного* (Ср.: Мф. 25, 34).

Св. праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908).

КАК ВЕСТИ СЕБЯ С УМИРАЮЩИМ?

О, и тут можно тем более или послужить или повредить ближнему! Главное чувство, какое примечается в умирающем – это чувство оставления. Ему не хочется оставаться одному, хотя перед самой последней минутой иные и просят всех удалиться от них. И так не надобно оставлять в одиночестве умирающего. Затем, одни умирают тихо, как бы засыпают, а другие – среди сильной борьбы. Тот или иной образ умирания зависит более от качества болезни, а, во всяком случае, по этому еще нельзя каждый раз заключать об особенном достоинстве или недостоинстве умирающего. Иной еще и искусственно показывает себя бодрым, тогда как в душе своей тем большие переносит борения.

...Не следует смущать умирающего разговором о предсмертной борьбе, а во время самой борьбы – потрясать, беспокоить его чем-либо отвне, например, смотреть на него со страшным испугом, затруднять его какими-либо вопросами, напоминать ему о близких, которых он оставляет. Все это может и предупредить его кончину. А особенно не следует у постели его громко плакать или отчаянно стонать. Почему же? Потому именно, что слух у людей умирающих позже всех чувств закрывается. К тому же и умирают преимущественно к вечеру или к утру, когда кругом в природе бывает больше тишины. Этого рода беспокойство умирающему может помешать ему в предсмертной борьбе, затянуть эту борьбу и сделать ее мучительною. Посему у постели умирающего все должны оставаться в самом глубоком молчании.

Человек, человек! Не бегай от умирающих, потому что и сам умрешь!

Протоиерей Евгений Попов (1824-1888).

Прощай, сестра. Господь да благословит исход твой и путь твой по твоём исходе.

Ведь ты не умрешь. Тело умрет, а ты перейдешь в живой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая.

Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши им передай приветы и попроси попечись о нас. Тебя окружают твои дети со всеми радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь. Так не ужасайся, видя приближающуюся

смерть: она для тебя дверь в лучшую жизнь. Ангел хранитель твой примет душу твою и поведет ее путями, какими Бог повелит.

Грехи будут приходить – кайся во всех и будь крепкой веры, что Господь и Спаситель все грехи кающихся грешников изглаждает. Изглажены и твои, когда покаялась. Эту веру поживее восставь в себе и пребудь с ней неразлучно.

Даруй же тебе Господи мирный исход. День-другой – и мы с тобой. Потому не тужи об остающихся. Прощай, Господь с тобой.

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815-1894).

Передайте Л. мое глубокое сочувствие ей и великое желание преодолеть скорбь смерти и легко, радостно перейти в будущую жизнь, истинную родину нашу, уготованную нам от создания мира, где человек делается подобным Ангелам, где лице его просветится яко солнце.

Передайте ей также: за то, что она, не зная меня, много лет относилась ко мне с любовью, я не забуду ее никогда, будет ли она еще долго жить или скоро умрет. И по смерти она будет дорога мне. О! если бы я имел дерзновение сказать, что моя душа всегда будет около ее и здесь, и в будущей жизни!

...Посмотрите в глаза Л. со всей любовью, какая есть у Вас к ней, погладьте ей волосы, лицо и тысячу раз поцелуйте ей руки – это будет от меня. С нами Бог!

Игумен Никон (Воробьев) (1894-1963).

КАК ВЫДЕРЖАТЬ ГОРЕ ПРИ СМЕРТИ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА?

В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением; но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия.

(Прем. 3, 2-4).

Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы

веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним.

(1 Фес. 4, 13-14).

Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше.

(Флп. 1, 23).

День разлуки твоей с нами есть день рождения твоего в жизнь новую, бесконечную. Посему, со слезами на глазах, но приветствуем тебя с окончанием земного поприща, со вступлением туда, где нет не только наших скорбей, но и наших суетных радостей. Ты теперь уже не в изгнании, не в узах, а в отечестве, на свободе: видишь то, во что мы должны веровать; окружен тем, что мы должны ожидать.

О, какую малою и брэнною показалась тебе, думаю, вся наша земля со всем величием ее, когда ты взглянул на нее в последний раз. Посему, когда мы в горести окружаем гроб твой, ты, может быть, скорбишь о нас, здесь остающихся; благодаришь Господа, что Он не продолжил твоего заключения в узах плоти и крови; тем паче благодаришь за те дни скорби, кои благодать Его дала Тебе провести на одре болезненном для твоего очищения.

Св. праведный Алексей Мечев (1859-1923).

Что умирает – ничего необыкновенного нет. Вслед за ней и мы пойдем той же дорогой. Это – общий всех путь. Но всё же смерть поражает всех и ко всем умирающим мы относимся так, как бы они нечаянно умерли.

Вы останетесь оканчивать воспитание и устройство детей, а она отойдет, и там, что нужно и можно, приготовит для встречи вас. Будьте мужем силы. Скрепите силы и мужайтесь. Ведь сестра-то сама не умрет: тело умирает, а личность умирающей остается. Вот и вы, пока она отойдет, – в тот же мир переходите вниманием.

В теле, лежащем под образами и потом выносимом, – ее нет. И в могилу ее не прячут. Она в другом месте. Так же жива, как и теперь. В первые часы и дни будет около вас. И только ни поговорить, да и увидеть ее нельзя, но она – тут. Вникните в это. Мы, остающиеся, плачем об отошедших, а им сразу легче: то состояние отрадное.

Те, которые обмирали и потом вводимы бывали в тело, находили его очень неудобным жилищем. То же самое будет

чувствовать и сестра. Ей так лучше, а мы убиваемся, будто с ней беда какая случилась. Она смотрит и верно дивится.

Я всегда был такой мысли, что по умершим не траур надо надевать, а праздничные наряды, и не заунывные петь песни, а служить благодарный молебен. У нас все кверху ногами перевернулось. Что останкам, телу умершего надо отдать некий почет, это совершенно справедливо. Но зачем у нас к этому телу обращаются, как к живому лицу? Удивляться надо. У Господа все живы...

К довершению горя думаем: умер, не стало... А он и не думал переставать быть... И все также есть, как был вчера накануне смерти, только ему хуже было, а теперь лучше. Что его не видать, это не потеря. Он бывает тут же... Отошедшие быстродвижны, как мысль...

Мы, христиане, не к безвестному течем. Почему, если не тяготят кого смертные грехи, несомненно веруем, что двери Царствия открыты ему. Если же к этому присоединить и кое-какое добро и кое-какие жертвы Господа ради, то тем более сомнение не должно оставаться о блаженстве участи отходящих...

Зачем, насмотревшись на умершее тело, как оно безобразно, бесславно, воображают и самого покойного таким, как его тело? Этот самообман и раздирает сердце... Потом придёт в голову сырая могила, мрачная... А он, покойный, в светлом месте, в полном состоянии отрады.

Плакать или еще что? Я думаю радоваться за усопшего. Слава Тебе, Господи! Не будет уже более маяться на этой прескучной и прескудной всем земле. Может быть, за себя поплакать надо? Не стоит... Много ли тут осталось? День-другой, и сами туда пойдём...

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815-1894).

Ты плачешь о том, что умерший оставил тебя, а не думаешь о тех, кого он нашел.

Святитель Фотий, патриарх Константинопольский († 891).

Не странно ли? Когда ты отдаешь дочь в замужество, не считаешь несчастьем, если муж отходит с ней в дальнюю сторону с там живет счастливо; потому что скорбь разлуки облегчается слухом

о их благополучии; а здесь, когда не человек, но Сам Господь берет к Себе твоего родственника, ты печалишься и сетуешь!

Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя? И это несвойственно любящему – желать, чтобы он еще сетовал о тебе и подвергался неизвестности будущего, тогда как ему следует быть увенчанному и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани... Впрочем, если он умер грешником, то и в таком случае надобно радоваться, что прекратились грехи его и что он не приложил еще зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, молениями, милостынями и приношениями.

Святитель Иоанн Златоуст († 407).

Не требуй, чтобы распоряжения Божии о душах клонились к твоему удовольствию. Напротив того, о вступивших между собою в союз во время жизни и потом разлученных смертью, рассуждай, что они подобны путникам, которые идут одною дорогою и от непрерывного пребывания друг с другом стали соединены привычкою. Такие путники, прошедши общий путь, когда видят, что далее дорога делится, поелику каждому необходимо уже нужно разлучиться с товарищем, не оставляют в пренебрежении предлежащего пути, удерживаясь привычкою друг к другу, но вспомнив о причине, которая первоначально возбудила их к путешествию, отправляются каждый к собственной своей цели. Как у них цель пути была различна, и сближение между ними произошло от привычки друг к другу во время путешествия, так и соединенным между собою супружеством или другим каким общежитием, без сомнения, каждому предлежал свой предел жизни, и предназначенный конец жизни по необходимости разделил и разлучил вступивших в союз друг с другом.

Поэтому рассудительной душе свойственно не из терпения выходить при разлуке, но благодарить Сочетавшего жребии за прежний союз. А ты, когда и живы были у тебя жена или друг, или детище, или другое что, о чем ныне сетуешь, – не благодарил Даровавшего за настоящие блага, но роптал, что недостает еще других. Если жил с одною только женою, ты жаловался, что нет детей, которых желал; а если были и дети, – что не богател или видел некоторых из врагов благоденствующими.

Смотри же, чтобы самим нам не сделать для себя необходимою утрату того, что наиболее нам любезно, оставаясь нечувствительными, когда оно при нас, и чрез меру сокрушаясь по нем, когда оно от нас уйдет. Поелику, если не благодарим за блага, подаваемые Богом, то необходимым делается отнятие их для приведения нас в чувство.

Святитель Василий Великий (330-379).

О чем безутешно плакать о разлуке с родными, когда и все мы здесь не вечны? Пройдет несколько лет, а может быть даже несколько месяцев или даже несколько дней, и нас Господь позовет туда же, куда и их позвал. И тогда-то ничто уже нас не разлучит с ними, тогда-то вечно с ними будем мы... А велики ли наши годы в сравнении с вечностью? О, пред нею и тысяча наших лет, как день один!...

Это общая доля для каждого – для бедных и богатых, для знатных и незнатных. Вы плачете о своих, другие плачут о своих. Вам тяжело и им нелегко. Не преувеличивайте же в ваших мыслях и словах вашего несчастья и не забывайте в вашей горе до дерзкого ропота на свою судьбу и на Бога...

Надо помнить, что все эти потери составляют для нас крест, который только тогда для нас может быть полезен и спасителен, когда мы несем его безропотно. В самом деле, слезами не возвратить того, что взято, а между тем, что пользы от наших слез для нас самих?.. Приятны ли наши слезы Богу? Скажите, нравятся ли отцу или матери вопли дитяти, когда они отнимают у него то, что следует отнять, а оно, не понимая и не желая даже понять того, что эта вещь, отнятая у него, не только не годится, но даже может быть вредна для него, и не слушая ни убеждений, ни угроз, продолжает горько плакать и кричать? Такое дитя сами они называют капризным и своенравным, которому, потому, не только не возвращают того, что служит предметом его слез, но часто отказывают ему за то и в тех удовольствиях, которые позволили бы ему, если бы оно было во всем послушно им и покорно...

Надо, наконец, помнить, что все наши усопшие пролагают для нас, живых, путь туда, куда идти страшно для всех, и что Сам Бог, отнимая у нас любезных для нашего сердца, заблаговременно приготовляет нас к тому, чтобы мы не слишком были привязаны к земной нашей жизни, чтобы не думали всегда о земле, а подумали иногда и о небе.

Епископ Гермоген (Добронравин) († 1893).

Я не то хочу сказать: не допускай скорби, потому что это не в нашей власти, а то: не допускай скорби возобладать твоим сердцем и взволновать его, держи ее вне, за пределами сердца.

Преподобный Никодим Святогорец (1749-1809).

Мы должны понять, что в действительности человек не умирает. Смерть — это просто переселение из одной жизни в другую. Это разлука на недолгое время. К примеру, если человек уезжает на год за границу, то его родные расстраиваются, потому что они разлучатся на один год, или, если он уезжает на десять лет, они расстраиваются из-за этой десятилетней разлуки. Подобно этому должны смотреть и на ту разлуку с любимыми людьми, которую приносит смерть... Конечно, человек испытывает боль из-за смерти родного ему человека, однако к смерти надо относиться духовно. Помните, что говорит апостол Павел? *Дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды* (1 Сол. 4, 13). К примеру, как часто я видел бы своего умершего родственника, если бы он остался жив? Раз в месяц? Так надо подумать о том, что там, в жизни вечной, я буду видеть его постоянно. Наша тревога оправдана только в том случае, если человек, который умер, жил плохо. К примеру, если он был человеком жестоким, то нам надо за него много молиться — если мы его действительно любим и хотим встретиться с ним в жизни иной.

Старец Паисий Святогорец (1924-1994).

СМЕРТЬ РЕБЕНКА

Гораздо счастливее те из людей, которые исполняют смертный долг в молодых годах, чем те, которые живут много лет. Они меньше претерпевают телесных бедствий и намного меньше творят душевного зла, и скорее переходят вслед за Христом к Отцу Небесному для безбедной и беспечальной жизни...

Да не смущается сердце ваше и да не устрашается, родители, лишаящиеся своих детей в молодых годах! Если любите их, лучше радуйтесь, что они по изволению Божию восходят от этой горестной

жизни к Отцу Небесному. Если любовь ваша родительская желает неразлучного пребывания с ними, то здесь оно неразлучным быть не может. Желайте его там, где возможно вместе пребывать вечно, а на земле — до тех пор, пока захочет Бог.

Святитель Димитрий Ростовский (1651-1709).

Положим – самое большое – что умрёт. Какая беда, что умрёт? Разве она одна только подвергнется сему? Ведь и мы же все умрём. Она – ныне. Мы – завтра. Какая разница? Умрёт ведь не она... Тело умрёт, а душа жить будет. И ей без тела ещё лучше будет, чем с телом. Вышедши из тела, она будет говорить душе вашей: «Ах! мама, как мне хорошо!» Так вот, видите, не только по причине болезни, но даже и по причине смерти, если бы она случилась, не следует убиваться. А извольте сейчас же встать, одушевиться и быть покойною... А ваша больная пусть научится памяти смертной – спасительной. Здоровому трудно помнить...

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815-1894).

Что вы, оставшиеся, скорбите о лишении ее, то это не по разуму духовному, а плоть и кровь действует; не все ли равно – она умерла бы и много лет проживши, но сколько бы испытала бурь, скорбей и превратностей жизни? Плачущие не жалели ее в сем отношении, а в воображении их рисовался проспект счастливой жизни, а это очень редко случается.

Преподобный Макарий Оптинский (1788-1860).

Если Бог берет к Себе юношей, то, видно, берет их благовременно: видно, они довольно созрели уже для вечности, и Господь берет их, да не злоба изменит разум их, или лесь прельстит душу их; а если еще и не дозрели, то они еще несравненно хуже были бы для неба, если бы долее оставались на земле. И вообще, где назначить предел жизни для людей, любезных сердцу? Только холодный рассудок наш решает иногда, и то нерешительно, кого смерть похищает вовремя, кого не вовремя, а бедное сердце наше не знает расчетов рассудка: лишь бы только любезен был для него человек, похищенный смертью, – оно одинаково скорбит и плачет о нем, на заре ли дней своих, в полдень ли жизни или на самом закате он оставил свет... Нет, страшно роптать на Провидение, но бесполезно роптать и на самих себя.

Епископ Гермоген (Добронравин) († 1893).

Кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, например, болит дитя, а мать благодарит Бога, это венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жестокое слово. Умирает дитя, – мать опять благодарит Бога. Она дочерью Авраама сделалась...

Или ты потерял сына? Не потерял; не говори так... Не раздражай Бога, но умилоствляй Его; если перенесешь великодушно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему, и тебе; если же нет, то ты еще более прогневаешь Бога, подобно как если бы, видя, что господин наказывает раба, ты озлобился на него, то раздражил бы его еще более против себя самого. Не поступай же так, но благодари Бога, дабы таким образом рассеялось облако твоей печали; скажи подобно блаженному Иову: *Господь дал, Господь и взял* (Иов. 1, 21); представь, сколь многие, более тебя угодившие Богу, даже вовсе не имели детей и не назывались отцами. И я, скажешь, не желал бы иметь их; потому что лучше не испытывать удовольствия, нежели, испытав, лишиться его. Нет, увещаю тебя, не говори этого, не раздражай Господа; но благодари и за то, что получил, благословляй и за то, что не удержал до конца. Не говорил Иов: лучше было бы не иметь, как говоришь ты, неблагодарный, но и за то благодарил: *Господь дал, и за это благословлял: Господь и взял; да будет имя Господне благословенно*. И жене, заграждая уста и вразумляя ее, он сказал такие чудные слова: *неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать* (2, 10)?

Святитель Иоанн Златоуст († 407).

Нельзя... не скорбеть, не сетовать, не печалиться родителям, так неожиданно потерявшим единственное свое чадо. Но ведь мы не язычники, которые не имеют никакой надежды касательно будущей жизни, а христиане, имеющие отрадное утешение и за гробом, касательно получения будущего блаженства вечного. Этою отрадною мыслию должно вам умерять скорбь вашу, утолять великую печаль вашу, что вы, хотя на время и лишились сына своего, но опять в будущей жизни можете видеть его, можете соединиться с ним так, что никогда уже не будете расставаться с ним. Только должно принять приличные к тому меры: 1) поминать душу М. на Бескровной Жертве,

на чтении Псалтири и в домашних ваших молитвах; 2) о душе его творить и посильную милостыню.

Преподобный Амвросий Оптинский (1812-1891).

Говорят: «Как можно быть тому, чтобы душа, мучимая бедствиями и как бы уязвляемая чувством скорбей, не плачу и слезам предавалась, но что в действительности ненавистно, за то благодарила, как за благо? Ибо как мне будет благодарить, претерпевая то, чего мог бы пожелать мне враг? Безвременно похищено детище, и болезнующую о возлюбленном мать мучат болезни, тягчайшие прежних мук рождения; как же ей, оставив плач, обратиться к словам благодарения?»

Возможно ли это? Возможно, если рассудишь, что рожденному ею детищу ближайший Отец, разумнейший Попечитель и Домостроитель жизни – Бог. Почему же разумному Владыке не позволяем распоряжаться Своим достоянием, как Ему угодно, но досадуем, как лишаемые собственности, и сожалеем об умирающих, как будто им делается обида? А ты рассуждай, что детище не умерло, но отдано назад...

Пусть заповедь Божия живет с тобою неразлучно, непрестанно сообщая тебе как бы некоторый свет и озарение для суждения о делах. Она, заранее приняв на себя надзор над твоею душою и предуготовив в ней верные мнения о каждой вещи, не попустит, чтобы ты изменялся от чего-либо с тобою случаемого, но сделает, что с предуготовленною мыслию, подобно утесу, находящемуся близ моря, безопасно и непоколебимо выдержишь удары сильных ветров и волн. Почему не приоблек ты о смертном думать смертно, но принял смерть детища, как нечто неожиданное? Когда в первый раз известили тебя о рождении сына, тогда, если бы кто спросил у тебя: что такое родилось? – что отвечал бы ты? Сказал ли бы что иное, или что родился человек? А если человек, то, конечно, и смертный? Что же тут необыкновенного, если смертный умер? Не видишь ли, что солнце восходит и заходит? Не видишь ли, что луна возрастает, потом убывает, что земля покрывается зеленью, потом увядает? Что из окружающего нас постоянно? Что по природе своей неподвижно и неизменно? Возведи взор на небо, посмотри на землю: и они не вечны. Ибо сказано: *небо и земля прейдут: солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба* (Мф. 24, 35, 29). Что ж

удивительного, если и мы, составляя часть мира, испытываем свойственное миру?

Святитель Василий Великий (330-379).

Ободришься, госпожа, ободришься; время утешиться; отверзи слух свой и выслушай божественные изречения: человек — *что трава, дни его, как полевой цветок, так и он отцветает* (Пс. 102, 15). *Какой человек проживет и не увидит смерти* (Пс. 88, 49)? *Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним* (1 Фес. 4, 14). Итак, мы не совсем потеряли сына, но спустя немного, когда затрубит последняя труба, он восстанет в *сретение Господу на воздухе* (1 Фес. 4, 17), и там мы увидим его.

Он здесь поражен смертным ударом, но там не испытает вечной скорби, как облекшийся во Христа в Крещении, содержащий православную веру и еще не насытившийся здешними приятностями, вкусив их как бы концом перста по юности своей...

Сколько зол, госпожа, он бы перенес, оставаясь во плоти? Разве ты не думаешь, что здешняя жизнь есть испытание человеку? Супруга, дети, изобилие рабов и прочего необходимого для жизни, к тому же, и земная слава — вот что предстояло ему. Избавившись от всего этого и лишь немного омочив душу горькими волнами жизни, он будет иметь великую свободу души, соединившись с Богом.

Таким образом, госпожа, отстрани, оставь неутешную скорбь, положи надлежащий предел страданию: *принеси Богу жертву хвалы, исповедания* (Пс. 49, 14). Скажи с блаженным Иовом: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21); повтори слова Давида: *возвратись, душа моя, в покой твой* (Пс. 114, 6). Ибо смерть сына — душа твоя. На вдовство же свое взирая, восклицай: *Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек* (Пс. 117, 6).

Так настраивая себя, ты, во-первых, благоугодишь Богу, как бы добровольно принося сына в жертву, подобно Аврааму, потом и самому любезнейшему сыну доставишь величайшее благо, когда он будет видеть, что ты переносишь это с благодарностью. Этим ты и всем другим представишь пример доброго терпения во Христе Иисусе, Господе нашем, Которого молим, чтобы Он, коснувшись сердца твоего *милостию и щедротами* (Пс. 102, 4), произвел в тебе свет утешения и даровал тебе мирную жизнь, а по окончании здесь

богоугодной жизни сподобил тебя свидания с сыном твоим и вечного с ним веселия.

Обрати, убеждаю тебя, взор ума своего на происходящее во вселенной, взгляни на древние роды, на самого праотца нашего Адама, посмотри и подумай: кто, явившись на свет, остался в этом веке, а не отцвел и не иссушен смертью скоро, подобно произрастающей траве?..

Настоящая жизнь — некое определенное служение и однодневный труд, а потом тотчас — возвращение домой, подразумеваю переход отсюда туда. Патриархи были и ушли, пророки были и ушли; отцы и матери были и ушли; братья, друзья и родные были и ушли. А что — цари? Что — вельможи? Что — начальники? Что — всякий возраст и весь род человеческий? Не все ли пошли в землю или пойдут спустя некоторое время, как произошедшие из земли?

Но вот что нужно: чтобы, хорошо потрудившись здесь и проведя жизнь в согласии с волей Создателя Бога, мы оказались бы неосужденными, предстоя тамошнему страшнейшему Судилищу, чего сын ваш верно и несомненно достиг и сподобился. Ибо блажен, говорят, тот из рожденных женами, кто мало жил и кого Господь избрал и взял к Себе в первом возрасте, не испытавшим горьких грехов здешней жизни...

Отсюда желаем мы тебе почерпнуть средства к утешению, отсюда — успокоение. Будь виновником радости и врачом не только для себя, но и для госпожи сафари, которая особенно нуждается во врачевстве и утешении, по причине того, что мало привыкла к терпению, а потом — и для прочих близких к тебе, так, чтобы ты явился сведущим в предметах Божественных, и поступающим по закону Божию и знающим, куда отошел преставившийся, особенно любезнейший сын твой: не к смерти, не к небытию, но в жизнь вечную и к Богу, создавшему все; и чтобы отцам, и знакомым, и собравшимся на погребение показать прекрасный пример того, как переносить с благодарностью и смиренномудрием потерю детей и не противиться Божиим повелениям.

Преподобный Феодор Студит († 826).

Велико ваше горе, безмерна скорбь ваша, невознаградима потеря. Знаю, сердце на части рвется. И обыкновенная смерть,

разлучающая нас с нашими родными, тяжка. Насколько же тяжелее должна быть сердцу разлука ваша с милым, хорошим Васенькой, такую смертью вырванным от вас. Тяжко, больно, страшно, горько! Но в горечи этой и сладость есть, мои о Господе родные, возлюбленные и дорогие чада, в тягости вашей есть и легкость, в горе и скорби – отрада и утешение. Вот где это утешение, отрада, легкость и сладость. Вася, при всех своих хороших внешних качествах, был хорош и по душе своей, как говорится, еще не испорченный мальчик. Стало быть, цветочек свежий, неувядший, благоухающий, цветущий, прекрасный. А что делает садовник, когда у него в саду зацветет редкий, дорогой цвет, ввиду наступившей холодной погоды, сырой, гнилой? Не берет ли он этот цветок нежный и не пересаживает ли в теплую светлую оранжерею, чтобы не поблек совсем цветочек его? Так вот точно поступил и Великий Садоделатель – Господь с милым, хорошим цветочком Васенькой. Ведал он, всеведущий, что ждут впереди цветок этот юный невзгоды, непогоды, бури да вихри, громы да молнии, дожди да ливни, осень гнилая... зима суровая, холодная, морозная. Завянет цветочек, поблекнет... погибнет навеки. «Нет, – сказал Садоделатель великий, Премудрый Господь, – не дам увянуть цветочку Моему юному, осень своею гниlostью не коснется его, зима хладом своим не умертвит его, бури и вихри не унесут его... Нет, Я возьму его, вырву из этой грешной земли, пересажу его в оранжерею Свою небесную, где нет уже ни непогод, ни бурь, ни вихрей, ни осени сырой, ни зимы холодной, где вечно сияет солнце – Сам Христос, где вечная весна, вечная Пасха, вечное Христос Воскресе». И рече, и быша.

Свицмч. Серафим (Звездинский), еп. Дмитровский (1883– ок. 1937).

У Бога нет мертвых, у Него все живы, а значит впереди у Вас еще встреча с любимым сыном.

Но, чтобы она была радостной, надо, чтобы и он, и Вы оказались в милости Божией.

Слава Богу, что свидетельство от людей о К. самое хорошее, а вот надо еще, чтобы и Церковь свидетельствовала о нем, что он был с Богом, жил в Боге.

Если в этом будет недостаток, то Ваш родительский долг – восполнить его молитвой за сына.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910-2006).

СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Как горьки слезы при смерти дитяти! Как тяжко матери, когда лишается она грудного младенца! Возрасти его, Господи, в чертоге Твоем!..

Блаженно детство! Оно наследует рай. Горе старости! Она остается здесь на бедствия. Ты, Господи, помоги ей!

Преподобный Ефрем Сирий (IV век).

О умершем же младенце отдайте на волю Божию, но все считать грехи свои виною и сего наказания.

Преподобный Лев Оптинский (1768-1841).

Святая Церковь препровождает почивших младенцев из этого мира в мир вечный не с плачевными песнями, с песнями радости. Она признает их блаженство верным: молитвы ее при погребении младенцев не говорят о неизвестной судьбе человека после смерти, как говорят о ней умилительно и плачевно при погребении возрастных. Эти молитвы и испрашивают у Бога почившему младенцу упокоение... и признают, что это упокоение дано, – почившего младенца уже называют блаженным.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) (1807-1867).

Часто смерть похищает невинных детей. Но вы знаете, что им принадлежит царствие Божие, и, между тем, плачете, что они так рано отходят от вас к Отцу Небесному, не испытав горестей земной жизни, и считаете исход их неблагоприятным... Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?... Знаю, что в ваших слезах не та блестит мысль, что они отходят от вас к Отцу Небесному; нет, ваши слезы о том, что вы теряете в них ваши светлые надежды на ваше счастье, теряете будущих друзей и хранителей вашей старости. О, надежды, надежды! Если бы всегда сбывались вы! Но скажите, кто поручится, что дети ваши, если бы жили долее, всегда доставляли бы вам одни только радости и утешение? Кто знает? Может быть с годами они познакомились бы с обычаями света, противными христианству, и тогда не были бы столь любезными для Отца

Небесного детьми, как теперь. Может быть, с годами остыл бы в них и к вам жар детской любви и они не были бы столь милыми для вас чадами, как теперь. Может быть... но чего бы не могло быть с ними в течение жизни?... А теперь они чистыми, невинными, как Ангелы, отошли от вас к Отцу Небесному, а вы все еще плачете, называя исход их от вас неблаговременным. Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?...

Епископ Гермоген (Добронравин) († 1893).

Возлюбленному сыну вашему, блаженному младенцу Пафнутию, даруй, Господи, вечный покой со святыми! Вы об нем плачете, а он теперь во светлостях святых радуется и веселится, и оттуда вещает к вам: «О мне не рыдайте, родители мои, но паче о самих себе, согрешающих, плачьте всегда; младенцам бо определися праведных всех радость, ибо мы во временной жизни ничего не сделали, об чем бы ныне плакали».

Преподобный Антоний Оптинский (1795-1865).

Когда умирает малыш, Христос берёт его к Себе словно маленького Ангела, а его родители рыдают и бьют себя в грудь, тогда как им следовало бы радоваться. Ведь откуда они знают, кем бы он стал, когда вырос? Смог бы он спастись?..

Но, кроме того, смерть детей помогает и их родителям. Родители должны знать, что с того момента, как у них умирает ребёнок — у них появляется молитвенник в раю. Когда родители умрут, их дети с рипидами придут к двери рая, чтобы встретить души отца и матери. А это ведь немалое дело! Кроме того, маленьким детям, которые были измучены болезнями или увечьем, Христос скажет: «Придите в рай и выберите в нём самое лучшее место». А дети ответят Христу так: «Здесь прекрасно, Христе, но мы хотим, чтобы вместе с нами была и наша мамочка», и Христос, услышав прошение детей, найдет способ, чтобы спасти их мать.

Старец Паусий Святогорец (1924-1994).

СМЕРТЬ МУЖА

Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь.

(1 Тим. 5, 5).

Мужайся, супруга! Не скорби, как неимущая упования. Ту любовь, которою любила ты почившего, обрати на своих детей, соедини ее с тою любовью, которою ты уже и доселе любила их, замени им потерянного отца и здесь найдешь себе великое утешение. А наипаче молись Господу о помощи свыше при несении тобою креста.

Св. праведный Алексей Мечев (1859-1923).

Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощение умершему? Потому ли, что ты осталась одна и потеряла защитника? Не говори этого; ты не потеряла Бога и, доколе имеешь Его, Он сам будет для тебя больше и мужа, и отца, и сына, и зятя; ибо и при их жизни Он же делал для тебя все.

Если все мы почитаем и уважаем тех жен, которые живут воздержанно еще при жизни своих мужей, то как не почитать и не хвалить тех, которые и по смерти своих мужей оказывают прежнее к ним благорасположение?.. Посему, оставив слезы и рыдания, старайся жить так же, как и он жил, или еще лучше его, чтобы, сравнившись с ним по добродетели, тебе поселиться в одной обители и опять соединиться с ним на бесконечные веки не этим союзом брака, но другим, гораздо превосходнейшим; ибо этот брак есть только союз тела, а тогда будет соединение души с душою, гораздо теснейшее, приятнейшее и превосходнейшее.

Всего лучше ожидать умершего мужа и соблюдать условия с ним, избрать воздержание и находиться при оставшихся детях, чтобы приобрести большее благоволение Божие. Если же кто захочет вступить во второй брак, то нужно делать это с целомудрием, с честностью, согласно с законами, — потому что и это дозволяется, а запрещается только блуд и прелюбодеяние.

Зная все это, постараемся довольствоваться первым браком; если же готовимся вступить во второй, то — надлежащим образом и с должным настроением, по законам Божиим. Поэтому апостол и сказал: *свободна выйти, за кого хочет*, и присовокупил: *только в Господе*, предоставляя свободу и вместе ограждая эту свободу, уступая власть и вместе полагая этой власти пределы и законы со всех сторон, — например, чтобы жена не принимала в дом мужей беспутных и развратных, или упражняющихся на зрелищах, или склонных к прелюбодеянию, но с честностью, с целомудрием, с благоговением, чтобы все делалось во славу Божию.

Но говоря это, мы не отвергаем второго брака и не законополагаем, но увещеваем: если кто может быть целомудренным, оставаться при первом. Увещеваем и советуем это и для самой безопасности дома. Второй брак часто бывает началом и предлогом раздора и ежедневных суматох.

Святитель Иоанн Златоуст († 407).

СМЕРТЬ ЖЕНЫ

Разделяла с тобой жребий общежития супруга, доставлявшая тебе все удовольствия в жизни. Она была виновницей твоего душевного спокойствия, предуготовляла для тебя радости, приумножала твое имущество, в скорбях отвращала от тебя большую часть горестного; и она оставляет тебя, внезапно похищенная смертью. Не ожесточайся в страдании, не говори, что есть какое-то случайное стечение происшествий и нет попечителя, управляющего миром. Не предполагай какого-то злого творца, от неумеренной скорби сам себе вымышляя лукавые учения, и не выступай из пределов благочестия. Поелику совершенно стали вы — *и будут одна плоть* (Быт. 2, 24), то весьма извинительно тебе с болью принять рассечение и расторжение сего союза; но нет для тебя пользы по этой самой причине выдумывать или говорить что-нибудь несообразное.

Размысли, что устроивший и одушевивший нас Бог каждой душе дал особенный путь в этой жизни и для каждого положил свои пределы исшествия. По неизреченным законам Своей премудрости и

правды, одному предоставил долее пребывать в сотовариществе плоти, а другому повелел скорее разрешиться от телесных уз. Как из ввергаемых в темницы одни большее время бывают заключены в обременительные узы, а другие находят для себя скорейшее освобождение от злострадания, так и души, одни надолго, а другие не надолго удерживая в настоящей жизни, по мере достоинства каждого, как о каждом из нас премудро, глубоко и неисследимо для ума человеческого предусмотрел Сотворивший нас. Не слышишь ли, что говорит Давид? *Изведи из темницы (говорит о бедствиях) душу мою* (Пс. 141, 8). Не слышал ли о святом, что душа его отпущена? Ибо что говорил Симеон, когда держал в объятиях нашего Господа? Какое произнес слово? Не это ли: *ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко* (Лк. 2, 29)?

Святитель Василий Великий (330-379).

О, несчастье! Не стало ее, отлетела она от глаз ваших, оставила вас полумертвыми, отторгнутыми от прекрасной супруги. Уже мы не можем видеть глазами отрады, превышающей всякое удовольствие, не имеем ни утешения в скорбях, ни увещания в несчастьях, ни напоминания во всем нужном, ни помощи, ни содействия. Закатилось солнце дома. Кто будет встречать? Кто будет приветствовать? Кто будет убеждать? Мы стали, как город, лишенный своего украшения, *как птица, сидящая на кровле*, скажу словами Давида (Пс. 101, 8).

Что же? Печалиться ли нам чрезмерно? Предаваться ли неутешной скорби? Нет, отнюдь нет, возлюбленный. Но зная, что Бог, давший ее нам сначала в супруги, Сам и взял ее ныне, будем с благодарностью переносить случившееся, подражая приснопамятному Иову и повторяя те блаженные слова, которые он сказал по случаю утраты не жены, а десяти детей, вместе умерших, предварительно потеряв все имущество, сидя на гноище, при самом крайнем поражении тела, тогда как прежде был царем, и выскабливая черепицами гной на теле своем: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21).

Если, друг, мы сами себя так настроим и так будем говорить, то не только будем недалеко от их участи, но и блаженной устроим таким образом прекрасный надгробный памятник, и данным нам от Бога чадам представим собою пример богоугодной жизни, и все это послужит нам во благо. Ибо, если Бог, вечный Владыка всех, увидит, что мы охотно принимаем все, совершаемое Им с нами, то как Он не

подаст нам благополучие в настоящей жизни, по ходатайству Своего Святого Духа, и не уготовит нам будущих благ к наслаждению в бесконечные веки?

Печален дом, как бы оставленный солнцем своим; никто не ласкает слух твой, и детей, и всех подручных, не стало ее, поистине доброгласной и улаждавшей приходивших своей истинно благопристойной беседой и встречей.

Подлинно, все это горестно и плачевно, и выражаемое словами, и представляемое умом. Но что делать, господин? Есть Божие повеление, или лучше сказать, определение, воспетое божественным Давидом: *какой человек поживет и не увидит смерти* (Пс. 88, 49).

Так, всякий человек, от праотца нашего Адама доселе приходящий в мир посредством рождения, опять отходит посредством разрушения в тамошний мир, высший и превосходнейший. *Сеется в тлении,— говорит апостол,— восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное* (1 Кор. 15, 42-44). Ибо мы будем равными Ангелам, станем сынами воскресения, когда смертное будет поглощено жизнью.

Видишь ли, господин, что госпожа, оставив нас, перешла из тьмы в свет и из жизни тленной в состояние бессмертное? Ты вскоре увидишь ее, когда и сам перейдешь туда. Поэтому не будем скорбеть, *как прочие, не имеющие надежды* (1 Фес. 4, 13), надеясь через воскресение перейти в лучшее состояние безмятежной жизни.

Напоминаю, обратимся лучше к самим себе, будем заботиться о доме, о детях, а прежде всего о собственной почтенной душе, подобно той блаженной украшаясь добродетелями и радуясь тому, что мы предпослали туда эту супругу, как молитвенницу пред Богом, оставившую пример доброй жизни и нам, и всем знакомым.

Преподобный Феодор Студит († 826).

Если бы ты лишился и жены, благодари Его; может быть, Бог хочет привести тебя к воздержанию, призывает к большим подвигам, хотел освободить тебя от уз.

Второй брак часто бывает началом и предлогом раздора и ежедневных суматох. Часто муж, сидя за столом и вспоминая о первой жене, тихо преслезится при второй; а эта тотчас свирепеет и

пристывает подобно дикому зверю. Требуется от него удовлетворения за нежность к той; и если он захочет хвалить скончавшуюся, то основание похвал делается предложением для суматохи и раздора. Мы и с врагами скончавшимися примиряемся, и после их смерти прекращаем вражду с ними, а у женщин всё наоборот.

Святитель Иоанн Златоуст († 407).

СМЕРТЬ КОРМИЛЬЦА ИЛИ РОДИТЕЛЕЙ

За сироту сам Бог с калитой* (*с кошельком – сост.).

Дал Бог роток сиротинке, даст и кусочек.

Русские пословицы.

Горевать не надо. Твоя мама не умерла, а перешла в другой, вечный мир, ибо тело – из земли и в землю пойдет, а душа – от Бога, к Богу и пойдет. Это наша жизнь временная и наполнена разными скорбями, и никто не может их избежать... Мама твоя теперь избавилась от всех этих земных скорбей и будет жить вечно в другом мире, где нет конца. И весь род человеческий, от Адама до Второго пришествия Спасителя на землю, пойдет туда.

Схиигумен Иоанн (Алексеев) (1873-1958).

Для нас, верующих христиан, смерть не есть всегдашняя разлука, но временное отшествие: *живем ли или умираем, – всегда Господни* (Рим. 14 8), учит святой Апостол, и пред Богом все живы есмь, ибо душа бессмертна и вечна. Сие рассуждение да будет вам утешением скорби о лишении матушки вашей. Вы и теперь находитесь с нею в общении молитвенном, когда исполняете долг ваш – приносите молитвы о упокоении души ее, и при церковном богослужении творите поминовение, и делаете благодеяния нуждающимся; для нее от сего есть великая польза душе, а для вас утешение.

Преподобный Макарий Оптинский (1788-1860).

«Кто-то теперь о нас позаботится, кто-то подумает о нашей судьбе?..» А кто доселе питал вас, кто согревал и покоил? Отец,

говорите, мать, благодетель – но их уже нет... Так, но своей ли силой они питали и покоили вас? Нет! Их рукой действовал Сам Отец Небесный, Которому принадлежит земля и исполнение ее, вселенная, и все живущие на ней. Он один Податель и Творец всех даров, которые доселе вы от них получали; а они были только орудия, через которые Он подавал вам. И если Ему угодно было взять к Себе эти орудия, то мудрено ли для Премудрого, и трудно ли для Всемогущего найти для Себя и для вас другие орудия, через которые Он будет продолжать изливать на вас Свои милости?..

Епископ Гермоген (Доброправин) († 1893).

С того мгновения, как Бог забирает к Себе родителей, Он – если можно так выразиться – обязан позаботиться об их детях. Помните, что говорит пророк Давид? *Поддерживает сироту и вдову* (Пс. 145, 9). Бог естественным образом любит таких детей больше и заботится о них больше. Таким детям Он в этой жизни дает больше прав, чем детям другим. Если сирота повернет ручку настройки на доброту, то он очень преуспеет. Но если он говорит: «Раз я сам мучался, то теперь буду мучить других», он себя разрушает.

Старец Паусий Святогорец (1924-1994).

КАК ПОМОЧЬ ПОКОЙНОМУ?

Могила без кадила, что угольная яма.

Русская пословица.

Есть возможность облегчить наказание умершего грешника. Если будем творить частые молитвы за него и раздавать милостыню, то, хотя бы он был и недостоин сам по себе, Бог услышит нас.

Святитель Иоанн Златоуст († 407).

Пока ты, мать, жива, то ты еще очень много можешь сделать для своего чада. Молись, подавай за него Литургию и милостыню. У Бога нет мертвых, у него все живы.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910-2006).

Нужно поминать его имя на проскомидии и дать по нем милостыню нищим, да посетит его душу милость Божия. Из церковной истории видно, что много пользует душам преставившихся творимые по ним поминовения и милостыня.

Монах Георгий (Стратоник), затворник Задонский (1789-1836).

Не надобно отвергать того, что души умерших получают облегчение от благочестивых, когда приносится за них Жертва Ходатая или раздаётся милостыня для их пользы, но такие дела благочестия приносят пользу только тогда, когда умершие заслужили, чтобы те были полезны...

Блаженный Августин (354-430).

Родные и близкие усопших! Делайте для них то, что им нужно и что в ваших силах. Тратьте средства не на внешние украшения гроба и могилы, а на помощь нуждающимся, в память усопших близких, на церкви, где возносятся о них молитвы.

Архиепископ Иоанн (Максимович) (1896-1966).

У отшедших скоро начинается подвиг перехода через мытарства. Тут нужна ей помощь! Станьте тогда в этой мысли, и вы услышите вопль её к вам: «Помоги!» – вот на что вам надлежит устремить всё внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самое действительное засвидетельствование любви будет, если с минуты отхода души вы, оставя хлопоты о теле другим, сами отстранитесь и, уединясь где можно, погрузитесь в молитву о ней в новом её состоянии и новых неожиданных нуждах. Начав так, будьте в непрестанном вопле к Богу – ей о помощи в продолжении шести недель, да и далее.

Участь отшедших не считается решённою до всеобщего суда. Дотоле мы никого не можем считать осужденными окончательно; и на сем основании молимся, утверждаясь надеждою на безмерное милосердие Божие. Усопшие не вдруг свыкаются с новою жизнью. Даже и у святых некое время держится земляность. Пока-то она выветрится, требуется время большее или меньшее, судя по степени земляности и привязанности к земному. Третины (третий день по

смерти), девятины (девятый день) и сорочины (сороковой день) указывают на степень очищения от земляности...

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815-1894).

Мы будем поминать, как умеем, на земле, а отшедшие души будут поминать нас на небеси, и небесная молитва их об нас гораздо больше приносит нам душевной пользы, нежели наша – об них.

Преподобный Антоний Оптинский (1795-1865).

От того, что тетя Нюра выдала бедной Фене буханку хлеба, усопшему дяде Васе легче не становится. Однако же не случайно Церковь учит, что милостыня приносит большую пользу умершим, и призывает нас делать пожертвования, помогать бедным, ухаживать за больными. Сами по себе внешние дела суетны, усопшие нуждаются в сердечной молитве за них, но в том-то и дело, что глубокая озабоченность собственным земным благополучием сделала наши сердца мертвыми и черствыми для молитвы, почти совсем к ней неспособными. А когда мы делаем добрые дела, душа как бы учится добру от тела, смягчается, становится способной пожалеть и живого, которому можно помочь и молитвой, и делом, и усопшего, который нуждается уже только в молитве.

Священник Константин Островский (р. в 1954).

Преподобная Афанасия, когда, в сороковой день по кончине ее, сестры, обсчитавшись днями, забыли попросить священника совершить за упокой ее Литургию, вечером того же дня явилась в сонном видении игуменьи и обличила ее, как за то, что она забыла сороковой день по смерти ее, так и за то, что она раздавала милостыню за упокой ее не сорок дней, как она завещала, а только девять. И в заключение сказала: «Да будет вам известно, что творимая за душу милостыня и иерейские молитвы умилоствляют Бога: если души усопших грешны, то через это они получают от Бога прощение грехов, а если чисты и праведны, то творящие поминовение сами на себя через это низводят милости Божии».

Епископ Гермоген (Добронравин) († 1893).

Если бы перед нами отверзлась сейчас та бездна, в которой находятся души усопших, то мы могли бы увидеть трогательную

картину их безмолвной мольбы к живым членам Церкви Христовой – мольбы о том, чтобы мы помогли им своими молитвами.

Придёт время, когда мы увидимся с ними. Как же радостно будет услышать от них слово благодарности за молитву! Они скажут: «Вот ты помнил меня, не забыл меня и помог мне во время нужды моей. Благодарю тебя». И напротив: как горько будет услышать упрек тому, кто не молился за умерших! «Вот ты не вспоминал обо мне, не молился обо мне, не помог мне в час нужды моей, упрекаю тебя».

Состояние усопших подобно положению человека, плывущего по очень опасной реке. Молитва за усопших – это как бы спасательный канат, который бросает человек утопающему ближнему. Если бы каким-нибудь образом перед нами отворились врата вечности и мы увидели бы эти сотни, тысячи миллионов людей, рвущихся к мирному пристанищу, – то какое бы сердце не поразилось и не сокрушилось при виде своих единоверных и единокровных близких, без слов взывающих к нашей молитвенной помощи!

Архимандрит Кирилл (Павлов) (р. в 1919).

Подобно тому как, навещая заключенных, мы приносим им прохладительные напитки и тому подобное и облегчаем тем самым их страдания, так же мы облегчаем страдания усопших молитвами и милостынями, которые совершаем об упокоении их душ. Молитвы живых об усопших и совершаемые об их упокоении службы — это последняя возможность получить помощь, которую даёт усопшим Бог — до Второго Пришествия...

Поэтому наша Церковь и установила освящение заупокойного колива, заупокойные службы, панихиды. Заупокойные службы — это самый лучший адвокат о душах усопших. Заупокойные службы обладают такой силой, что могут даже вывести душу из ада.

Полезнее, чем все поминовения и заупокойные службы, которые мы можем совершить за усопших, будет наша внимательная жизнь, та борьба, которую мы совершаем ради того, чтобы отсечь свои недостатки и очистить душу. Ведь результатом нашей свободы от вещей материальных и от душевных страстей будет не только то, что сами мы почувствуем облегчение. Облегчение получают и усопшие праотцы всего нашего рода. Усопшие испытывают радость, если их потомок живёт с Богом. Если мы не находимся в добром духовном

состоянии, то наши усопшие родители, дед и прадед, все наши предки страдают. «Посмотри-ка, как живёт наш потомок!» — говорят они и расстраиваются. Однако, если мы находимся в добром духовном устройении, они радуются, потому что были сотрудниками Бога в нашем рождении и Бог некоторым образом обязан им помочь.

Старец Паисий Святогорец (1924-1994).

Дорогая моя, представь лютую адскую бездну, в которой мучаются без передышки бесчисленные тысячи людей, среди которых, конечно, есть и наши родные, и пойми, как ничтожны перед лицом этого наша суета, отнимающая у нас столько драгоценного времени, наше уязвленное самолюбие, тщеславие, обиды... Надо скорее всех простить, помочь человеку и себе исправиться, только чтобы ни он, ни я, ни ты сюда не попали. Чтобы, глядя на нашу искреннюю жизнь, Господь захотел помиловать — вынуть из преисподней — наших усопших родных.

Монахиня Надежда (Бреннер) (1890-1983).

МОЖНО ЛИ МОЛИТЬСЯ ЗА САМОУБИЙЦУ?

По церковным правилам поминать его в церкви не следует; а сестра и родные его могут келейно о нем молиться.

Преподобный Амвросий Оптинский (1812-1891).

Спрашиваете, можно ли молиться за самоубийцу? Церковь не велит, как же сыны и дочери будут молиться? Мне иногда думается, что можно молиться дома в своей частной молитве. Но тут проглядывает искушение показать, что мы милосерднее Церкви и Самого Бога. Довольно ограничиться жалением об них, предавая участь их безмерному милосердию Божию...

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815-1894).

О самоубийцах молиться можно только дома, и никак нельзя подавать о них ни на Литургию, ни на панихиду.

О сыне молиться в церкви, действительно, нельзя – таково определение Священных Соборов св. отцов, таково каноника. Молиться же дома, всей душой скорбящей и израненной предстоя Богу, надо непременно. А ответ – дело Божие, мы его предугадать не можем и решить за Бога не можем. Сохранив послушание Церкви, оставьте в душе надежду на милость Божию к своей материнской молитве.

Читайте канон за самовольно жизнь свою прервавшего по возможности и с желанием. Первый раз постарайтесь читать 40 дней ежедневно. А молитовка, которая есть в каноне, пусть утешает Вас ежедневно, и она же поможет сыну. Хорошо подавать за сына милостыню нуждающимся.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) (1910-2006).

«В трауре можно утешиться выпивкой»

Вином горя не зальёшь, а новое наживёшь.

Русская пословица.

Видал я еще иных сластолюбцев, которые, по чрезмерному любосластии, под предлогом печали обращались к вину и пьянству... Винолюбцы и пьяницы не печаль утоляют, но обменивают одно зло на другое, и став какими-то неблагонамеренными посредниками, одни душевные болезни меняют на другие. Подражая тем, которые уравнивают тяжести на весах, они столько же убавляют печали, сколько прибавляют сластолюбия. Впрочем, думаю, что вино должно подавать помощь природе, но не позволительно до того напиваться неразбавленным вином, чтобы оно производило помрачение рассудка; потому что скорбь не вытекает вместе с вином, а между тем в душе является новое зло – пьянство. Если же рассудок есть врач печали, то крайним злом будет пьянство, препятствующее врачеванию души.

Святитель Василий Великий (330-379).

По традиции после погребения собирается поминальный стол. К сожалению, у нас укоренился дурной обычай поминать за этим столом усопшего вином и водкой и с обильной закуской. То же самое повторяется и в 9-й и в 40-й день. Нужно ли говорить, сколь это грешно и постыдно со стороны христиан – совершать такое поминовение, приносящее невыразимую скорбь новопреставленной душе, которой в эти дни выносятся решение Божьего суда, и она жаждет в это время особенно усердной молитвы к Богу.

Протоиерей Василий Изюмский (р. в 1927).

КАКОВА УЧАСТЬ ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ?

Война – священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости, в защиту правды, веры, Отечества. Подвизающийся в сей брани оружием совершает подвиг веры и правды, который христианские мученики совершали исповеданием веры и правды, страданием и смертью за сие исповедание, и приемля раны, и полагая живот свой в сей брани, он идет вслед мучеников к нетленному венцу.

Святитель Филарет, митрополит Московский (1783-1867).

Военный долг стоит ли в ряду Божиих, Богом определённых и Богом награждаемых? Да!..

Теперь судите: люди, исполнявшие свой долг, внезапно захвачены смертью и отошли в другую жизнь. Как их там встретят? Конечно, без укора... и притом как исполнителей долга своего... Говорит Господь: *В чем застану, в том и сужду.* Так и их судить будет, то есть, как исполнителей своего долга. Исполнителям же долга предлежит добрый приговор...

Прибавьте к сему, смерть их была ли сладка или мучительна? Я думаю, что подобную мучительность испытали только великие мученики... Хоть она была непродолжительна, но меры ей определить нельзя... Я, не колеблясь, решаю, что как разбойник со креста прямо в рай поступил, так и они. Я желал бы, чтобы все матери и отцы, братья и сестры, и жены умерших тогда – прочитали сии строки, поверили истине их и утешились.

Святитель Феофан, затворник Вышенский (1815-1894).

Многие, положившие живот свой на брани, верно, получат оставление грехов, и многие увенчаются нетленными венцами славы небесной, а оставшиеся ближние их, да и все вообще, страдая о сем сердцем и терпя во многом нужду, невольно оставят роскошь и утвердятся в вере.

Преподобный Макарий Оптинский (1788-1860).

Книга приобретена в магазине цифровых товаров www.nichego.ru

Надежный источник знаний –

проект дистанционного обучения «**Заочная школа Любви**» —

shkola.realove.ru

	Большинство людей учатся чему угодно, только не тому, что действительно важно для счастья. А Вы?	shkola.realove.ru Заочная школа Любви
--	---	---

Дарите радость: дружественный проект — www.slovomne.ru — футболки для неравнодушных.

Футболки для тех, кто любит по-настоящему

SlovoMne.RU

